

ВЕСНІК

*Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна*

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

ПРАВА

№ 3
ЛІСТАПАД

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

<i>Корнев П. И.</i> Роль КПБ в специализации и концентрации животноводства (1968—1970)	3
<i>Алексахина Л. Ф.</i> Деятельность КПБ по развитию и совершенствованию средней специальной школы в условиях развитого социализма (1971—1980)	5
<i>Копыцкий Б. З.</i> Рыночные связи крестьянского хозяйства Белоруссии (конец XVI — первая половина XVII века)	8
<i>Апанасович Т. Ф.</i> Вклад Эразма Роттердамского в научное исследование библейских текстов	10
<i>Смольский Р. А.</i> Критика Монтенем феодально-церковного мировоззрения	12

ФІЛАСОФІЯ

<i>Бодров Е. Н.</i> Гипотеза как форма развития древнегреческой натурфилософии	16
<i>Вардомацкий А. П.</i> Роль макросреды в моральной регуляции	19
<i>Морозов И. М.</i> Пути и средства активизации студентов на семинарском занятии	22
<i>Левшевич А. А., Павлова А. Т.</i> Опасность левого экстремизма для молодежного движения Италии	25
<i>Бурак Е. Н.</i> Гносеологический иррационализм Л. Шестова	28

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

<i>Приходько Ф. С.</i> Развитие демократических основ социалистической государственности на Кубе	32
<i>Дрозд Н. М.</i> К вопросу о сущности социалистического соревнования	35

ЭКАНОМІКА

<i>Авдей О. В.</i> Экономические потребности, интересы и стимулы как объективная основа материальной заинтересованности	38
<i>Сакочив М. В.</i> Регулирование обмена средств производства в переходный период	41
<i>Акулич М. К.</i> Комплексное развитие продовольственного АПК региона	43

ПРАВА

<i>Довнар Т. И.</i> Значение первой Конституции СССР в конституционном строительстве БССР	47
<i>Крамяник А. Н.</i> Федеральные начала в построении системы органов советского государственного управления	50
<i>Чебуранова Е. С.</i> О проблемах правового упорядочения миграции сельского населения в свете реализации Продовольственной программы СССР	52
<i>Хуан Симанкас Хэльпи.</i> Юридическая основа упразднения института выселения в Республике Куба	54

ХРОНІКА

<i>Земляков Л. Е., Пустоход А. М.</i> Конкурсы по общественным наукам — важное средство формирования коммунистического мировоззрения	55
--	----

РЭЦЭНЗІІ

<i>Слука О. Г. В. А. Бобков.</i> Партия Ленина — сила народная	57
<i>Коршук В. К. И. И. Зубов.</i> Рост производственной активности тружеников села (1965—1980)	57
<i>Кулаженко В. А. М. П. Квочкин.</i> Сближение города и деревни в условиях социалистического содружества	59
<i>Лутченко Ю. И. В. Г. Тихиня, В. В. Тихонович.</i> Как обжаловать постановления суда по гражданским делам	59
<i>Маращ Я. Н. Э. М. Загоруйский.</i> Возникновение Минска	60
<i>Казаков Ю. Л., Медяник В. И. Н. М. Жилинский.</i> Социалистическое соревнование на селе	61
<i>Мельцер Д. Б., Царюк Н. В. Йордан Тончев.</i> За свобода и хляб	61
<i>Трухнов Г. М., Космач Г. А. Р. М. Илюхина.</i> Лига наций. 1919—1934	62

ПАМ'ЯЦІ ВУЧОНЫХ

<i>Владимир Павлович Уваров</i>	63
<i>Гилер Маркович Лившиц</i>	64

П. И. КОРНЕВ

РОЛЬ КПБ В СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И КОНЦЕНТРАЦИИ ЖИВОТНОВОДСТВА (1968—1970)

Интенсификация сельскохозяйственного производства является объективным экономическим процессом, который обусловлен ростом производительных сил, развитием науки и техники, повышением уровня обобществления производства. Основоположники научного коммунизма рассматривали интенсификацию сельского хозяйства как концентрацию капитала на одной и той же земельной площади, увязывали этот процесс с научно-техническим прогрессом. В. И. Ленин указывал, что это «не случайное, не местное, не эпизодическое, а **общее** явление всех цивилизованных стран»¹.

Одним из важнейших направлений интенсификации животноводства является его специализация и концентрация. Огромную роль в специализации и концентрации животноводства сыграл состоявшийся в июне 1968 года пленум ЦК КПБ, который принял постановление «О дальнейшей специализации и повышении экономической эффективности животноводства в колхозах и совхозах республики». Пленум отметил, что вопросы дальнейшей специализации и концентрации животноводства приобретают исключительно важное значение. Были подведены итоги проделанной работы в этом направлении, четко определялась специализация 24 совхозов и 84 колхозов по откорму крупного рогатого скота, 14 совхозов и 80 колхозов по откорму свиней, 74 совхоза системы «Белглавзаготскотооткорма» занимались откормом крупного рогатого скота и свиней, принимались конкретные меры по дальнейшему развитию специализации и повышению экономической эффективности животноводства².

После пленума специализация животноводства стала развиваться более быстрыми темпами. Эти вопросы стали чаще обсуждаться на пленумах и бюро обкомов и райкомов партии.

Гомельская областная партийная организация определила направление развития каждого хозяйства. В целом хозяйства Гомельской области стали специализироваться на производстве продуктов животноводства. Область была условно разделена на две агроклиматические зоны: Белорусское Полесье и Северо-Восточная. Ведущей отраслью в Северо-Восточной зоне стало молочно-мясное животноводство, а в зоне Белорусского Полесья — мясо-молочное³. Положительный опыт работы по специализации животноводства был накоплен партийной организацией колхоза «Новый путь» Рогачевского района. Колхоз ранее не относился к передовым. Партийная организация и правление колхоза стали специализировать хозяйство на производстве молока, а также выращивании и откорме молодняка крупного рогатого скота, получаемого в своем хозяйстве. Партийная организация укрепила кадры животноводов, направив для работы на фермах 8 коммунистов. Фермы и другие участки животноводства возглавили члены КПСС. На одной из ферм была создана партгруппа. Коммунисты усилили воспитательную работу среди животноводов, развернули социалистическое соревнование за повышение производственных показателей. Были построены два новых животноводческих помещения и пять реконструированы. За пятилетку производство мяса и молока в колхозе увеличилось в два раза. В 1970 году получено 500 ц молока и 70 ц мяса на

100 га сельскохозяйственных угодий. Затраты труда на производство 1 ц молока снизились почти на 25 %⁴.

После июньского (1968) Пленума ЦК КПБ успешно решались вопросы специализации животноводства в хозяйствах Гродненской области. Партийные организации области вопросы специализации и концентрации животноводства решали глубоко, настойчиво и целенаправленно, с использованием наиболее эффективных для того времени форм и методов хозяйствования. В 1970 году здесь из 498 колхозов 76 специализировались на откорме крупного рогатого скота, 77 — на откорме свиней, 121 — на выращивании поросят, 15 хозяйств развивали птицеводство. Колхозы и совхозы, которые специализировались на откорме крупного рогатого скота, производили около 50 % говядины. Большое значение придавалось повышению качества продукции. Так, если в 1962 году скот вышей упитанности составлял 5,7, то в 1969 — 63 % всего скота, проданного государству. Повысились среднесуточные привесы скота на откорме. Средний вес сдаваемых животных в 1969 году составил 312 кг. В колхозе имени А. Мицкевича Мостовского района в первом полугодии 1970 года был достигнут среднесуточный привес животных в 926 г, средний вес одной головы скота достиг 480 кг, себестоимость 1 ц мяса составила 82 руб., а рентабельность животноводства — 126 %. Специализирующиеся в молочно-мясном направлении совхозы «Кореличский», «Черлено», «Малое Можейково» производили в последние годы восьмой пятилетки по 800 — 1200 ц молока на 100 га сельскохозяйственных угодий⁵.

Успешно осуществлялась специализация и концентрация животноводства и в других областях республики. В 1968 году в Минской области 64 хозяйства специализировались на откорме крупного рогатого скота и свиней, 39 — на производстве продуктов птицеводства, 122 — молока, 326 хозяйств имели мясо-молочное и молочно-мясное направление. Хозяйства, специализирующиеся на производстве молока, находились вблизи крупных городов области. Наиболее типичным хозяйством пригородной зоны по производству молока в Минской области являлся колхоз имени Гастелло Минского района. В этом хозяйстве в 1968 году на 100 га сельскохозяйственных угодий имелось 68 голов крупного рогатого скота, удельный вес коров в структуре стада составлял 48 %. Колхоз имел хорошие культурные пастбища и необходимую механизацию. Себестоимость 1 ц молока составила здесь 13 руб. 50 коп., говядины — 103 руб. 40 коп. От реализации продукции хозяйство получило 527 тыс. руб. прибыли⁶.

В Минской области за пятилетку было создано 58 специализированных хозяйств по откорму крупного рогатого скота, 64 — по откорму свиней, 39 — репродукторных, 55 — комбинированной специализации (производство мяса, свиней, картофеля), 24 — птицеводческие. В большинстве колхозов и совхозов были созданы крупные животноводческие фермы⁷.

В исследуемый период наиболее полно специализация и концентрация производства были осуществлены в птицеводстве. Так, уже с 1968 года оно было переведено на промышленную основу. За пятилетку количество колхозов и совхозов, которые занимались птицеводством, уменьшилось в республике в три раза, а производство яиц возросло в 2,2 раза. В 1970 году было получено 355 млн. штук яиц против 129 млн. штук в 1965. Во многих птицеводческих хозяйствах себестоимость десятка яиц составляла 43—45, а у работников Минской птицефабрики имени Крупской, где была завершена комплексная механизация и многие процессы автоматизированы — 39 коп.⁸

Благодаря заботе партийных организаций о развитии специализации передовые колхозы и совхозы вышли на уровень современных требований по производству продукции животноводства и к концу пятилетки получали по 200 и более центнеров мяса и свыше тысячи центнеров молока в расчете на 100 га сельскохозяйственных угодий. Так, в Свислочском, Берестовицком и Шкловском районах получено по 100 и более центнеров мяса, в Минском, Молодечненском, Кореличском, Слуцком, Кировском, Гомельском и Несвижском районах — по 450—560 ц молока⁹.

Специализация и концентрация животноводства позволили применить наиболее современную технику и технологию, сосредоточить квалифицированные кадры, эффективно использовать материальные и денежные ресурсы, профессиональные навыки работника и на этой основе повысить производительность общественного труда. Производство валовой продукции в колхозах и совхозах республики увеличилось на 45 %. Чистый до-

ход колхозов и прибыль совхозов возросли в 5 раз и составили в 1970 году около 500 млн. руб. Пятилетний план заготовок сельскохозяйственных продуктов был выполнен досрочно. Государству было продано больше, чем предусматривалось планом, мяса — на 871 тыс., молока — на 2,1 млн. т. Производство мяса за пятилетку возросло на 73, молока — на 66 %, а яиц — в 2,4 раза¹⁰.

Проведенная в годы восьмой пятилетки работа по специализации и концентрации животноводства создала необходимые предпосылки для развития этой отрасли на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 168.

² См.: Коммунист Белоруссии, 1968, № 7, с. 31.

³ См.: ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 46, д. 857, л. 150.

⁴ См.: Коммунист Белоруссии, 1971, № 1, с. 23.

⁵ См.: Филимонов А. И. Экономические знания — трудящимся: Руководство Компартии Белоруссии экономическим образованием кадров (1959—1973).— Минск, 1975, с. 169—170.

⁶ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, л. 462, л. 134.

⁷ См.: Гісторыя Беларускай ССР, у пяці тамах.— Мінск, 1975, т. 5, с. 488.

⁸ См.: Коммунист Белоруссии, 1971, № 1, с. 23; Блокнот агитатора, 1971, № 6, с. 14.

⁹ См.: Матэрыялы XXVII з'езда Камуністычнай партыі Беларусі.— Мінск, 1971, с. 18.

¹⁰ Там же, с. 15.

Л. Ф. АЛЕКСАШИНА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КПБ ПО РАЗВИТИЮ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СРЕДНЕЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА (1971—1980)

В свете задач, поставленных XXVI съездом КПСС перед высшей и средней специальной школой о необходимости повышения качества подготовки специалистов и улучшения их использования в народном хозяйстве, несомненный интерес представляет деятельность партии по руководству подготовкой кадров специалистов в предшествующее десятилетие. XXIV и XXV съезды Коммунистической партии Советского Союза уделили большое внимание улучшению работы высшей и средней специальной школы, обратив внимание на подготовку специалистов по новым направлениям науки и техники, для быстро развивающихся отраслей производства и сферы обслуживания, дальнейшему повышению уровня профессиональной подготовки и идейно-политического воспитания будущих специалистов.

Компартия Белоруссии, реализуя решения XXIV и XXV съездов КПСС по вопросам развития и совершенствования высшей и средней специальной школы применительно к потребностям народного хозяйства республики, на своих XXVII и XXVIII съездах поставила перед средней специальной школой задачи дальнейшего совершенствования подготовки кадров специалистов. Потребовала от министерств и ведомств увеличить прием по наиболее перспективным специальностям для быстроразвивающихся отраслей народного хозяйства, продолжить укрепление материально-технической базы учебных заведений, оснастить новейшим оборудованием лаборатории и учебные кабинеты; в системе коммунистического воспитания на основе принципов комплексного подхода обеспечить научно обоснованное, перспективное планирование с четким определением конкретных путей, методов и средств обеспечения высокого качества и эффективности идейно-воспитательной работы.

ЦК КПСС и ЦК КПБ, реализуя решения партийных съездов, приняли ряд важных постановлений, определивших основные направления работы по развитию средних специальных учебных заведений, совершенствованию их сети, структуры, отраслевой специализации с учетом целесообразной кооперации в подготовке кадров, улучшению учебного процесса, органическому соединению обучения и воспитания с практикой коммунистического строительства, подготовке и повышению квалификации преподавательских кадров, возрастанию роли первичных партийных организаций техникумов и училищ.

В соответствии с решениями ЦК КПБ и СМ БССР были открыты но-

вые средние специальные учебные заведения, упорядочена сеть техникумов, дополнительно к народнохозяйственному плану увеличен прием учащихся, выделялись капитальные вложения на строительство учебных помещений. В целях улучшения управления средней специальной школой на местах были созданы областные советы директоров техникумов и училищ, Республиканская инспекция по средним специальным учебным заведениям. В итоге, если в начале IX-й пятилетки в республике имелось 128 техникумов и училищ, прием в которые составлял 45,4 тыс. человек, то к концу X-й пятилетки количество техникумов увеличилось до 133 и прием возрос до 51,4 тыс. человек¹. В эти годы успешно решалась задача подготовки кадров по наиболее дефицитным специальностям: «обработка информации АСУ», «средства оргтехники», «ремонт и обслуживание бытовой радиоэлектронной техники» и др. Появилась новая форма сотрудничества республик в деле подготовки кадров специалистов: по договоренности с Минвузом Литовской ССР в Минском технологическом техникуме осуществляется подготовка специалистов для Литвы по специальности «Парикмахерское искусство и декоративная косметика», в свою очередь Вильнюсский технологический техникум готовит фототехников для Министерства бытового обслуживания БССР. Были открыты новые учебные заведения: Минское культпросветучилище, Горецкое педагогическое училище, Витебский индустриальный техникум, Жодинский политехникум и др. Осуществляя поставленные ЦК КПБ задачи по совершенствованию системы управления техникумами и училищами, Минвуз БССР передал в ведение отраслевых союзных министерств 13 средних специальных учебных заведений².

За девятую и десятую пятилетки значительно укрепилась материально-техническая база техникумов и училищ. В Гомельском сельскохозяйственном техникуме был реконструирован учебный корпус, построено общежитие на 400 мест, в Бобруйском автотранспортном, Пинском и Лепельском гидромелиоративных техникумах построены новые учебно-лабораторные корпуса, в Красноречском совхозе-техникуме построены две молочно-товарные фермы, зернохранилище, ремонтно-техническая мастерская, общежитие, жилые дома³. Были сданы в эксплуатацию новое здание Минского музыкального училища имени М. И. Глинки, учебный корпус Белорусского государственного хореографического училища, созданы интернаты при средней специальной музыкальной школе при Белгосконсерватории и хореографическом училище⁴.

Значительная работа по руководству средней специальной школой проводилась обкомами, горкомами и райкомами КПБ. На заседаниях партийных комитетов стали чаще рассматриваться вопросы совершенствования работы средних специальных учебных заведений, в их числе: «О состоянии идейно-политического воспитания учащихся средних специальных учебных заведений Заводского района г. Минска», «О работе сельскохозяйственных средних специальных учебных заведений Минской области», «О состоянии и мерах дальнейшего улучшения работы с кадрами в свете требований XXVI съезда КПСС» Витебской области, «О состоянии и мерах улучшения подготовки специалистов Гродненским техникумом физической культуры» и др.⁵

Изучение опыта деятельности Компартии республики по развитию и совершенствованию средней специальной школы показывает, что с представлением XXIV съездом КПСС первичным партийным организациям учебных заведений права контроля деятельности администрации, значительно возросла роль парторганизаций во всей работе техникумов и училищ. Анализ материалов, документов партийных и советских архивов, текущих архивов техникумов и училищ показывает, что партийные организации учебных заведений стали больше уделять внимания не только решению внутрипартийных задач, но и вникать в коренные вопросы подготовки высококвалифицированных кадров специалистов, в частности: качества и эффективности обучения, совершенствования учебно-воспитательного процесса, единства обучения и воспитания в учебное и внеучебное время, укрепления учебно-материальной базы, повышения квалификации преподавательских кадров. Возрастание роли первичных парторганизаций в работе средних специальных учебных заведений давало положительные результаты. В эти годы значительно улучшилось качество подготовки специалистов. Выпускники средних специальных учебных заведений 1976 года по своей идейно-политической и профессиональной подготовке выгодно

отличались от своих предшественников прошлых лет. В 1975/1976 учебном году по сравнению с 1970/1971 количество выпускников техникумов и училищ, сдавших государственные экзамены и защитивших дипломные проекты на хорошо и отлично, увеличилось на 8 %⁶. В исследуемый период партийные организации средних специальных учебных заведений много сделали по укреплению связи школы с жизнью, с производительным трудом. На партийных собраниях и бюро рассматривались вопросы улучшения организации практики учащихся, дипломного проектирования, состояния учебы во время производственной работы, заслушивалась информация преподавателей, зав. мастерскими, лабораториями, кабинетами об итогах проводимых практических занятий с учащимися.

Партийные организации и педагогические коллективы средних специальных учебных заведений практически претворяли в жизнь решения XXIV и XXV съездов КПСС, разнообразили формы и методы коммунистического воспитания. В итоге укрепилась связь общественных наук с общетеоретическими и специальными дисциплинами, что способствовало усилению мировоззренческой подготовки будущих специалистов в процессе изучения всех дисциплин, повышению ответственности преподавателей естественных, гуманитарных и технических наук за идейно-политическое воспитание учащихся. Возросла эффективность различных форм внеучебной воспитательной работы, таких, как: конкурсы научных работ, факультеты общественных профессий, школы молодого лектора, студенческие строительные отряды и т. д. Большую роль в профессиональной и общественно-политической подготовке учащихся средней специальной школы играла общественно-политическая практика, ставшая составной частью учебно-воспитательного процесса. В техникумах было введено перспективное планирование на основе примерных комплексных планов коммунистического воспитания учащихся на весь период обучения, которое способствовало достижению единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания учащейся молодежи, объединило в единую систему оправдавшие себя на практике многообразные формы воспитательной работы.

Изучение деятельности партийных организаций в этот период показывает, что наряду с вопросами укрепления материальной базы учебных заведений, совершенствования учебно-воспитательной работы много внимания уделялось повышению квалификации преподавательских кадров. В республике были созданы факультеты повышения квалификации преподавателей средних специальных учебных заведений при БГУ имени В. И. Ленина, БПИ, Белорусской сельскохозяйственной академии. В 1976 году были открыты такие факультеты при Белорусской государственной консерватории и Белорусском институте физической культуры. На факультетах повышения квалификации при вузах ежегодно проходили переподготовку более 700 преподавателей техникумов и училищ республики. Совершенствованию работы средней специальной школы в эти годы способствовало введение с 1976/1977 учебного года аттестации преподавателей и руководителей техникумов и училищ. Ведущую роль в аттестации играли парторганизации, партийные бюро техникумов и училищ, коммунисты. Под их непосредственным руководством улучшалась деятельность профсоюзных и комсомольских организаций учебных заведений. В эти годы новой и весьма эффективной формой повышения квалификации преподавателей стала стажировка на предприятиях промышленности и сельского хозяйства. Ежегодно проводились областные августовские педагогические конференции, педагогические чтения, ставшие подлинной школой передового педагогического опыта.

Изучение, анализ и обобщение опыта деятельности партийных комитетов, первичных партийных организаций, педагогических коллективов средних специальных учебных заведений в девятой и десятой пятилетках показывает, что в республике велась многообразная работа по развитию и дальнейшему совершенствованию средней специальной школы: совершенствовалась сеть, укреплялась материальная база, улучшался учебно-воспитательный процесс, возрастала роль первичных партийных организаций. Таким образом, педагогические коллективы под руководством партийных комитетов и первичных партийных организаций добились значительных успехов в подготовке кадров специалистов. В итоге народное хозяйство республики пополнилось большим отрядом специалистов со средним специальным образованием, так, если в 1976 году их было всего

197,9 тыс., то в 1979—573 тыс. специалистов, выпускников техникумов и училищ⁷. Этому способствовала многогранная деятельность Коммунистической партии Белоруссии по развитию и совершенствованию средней специальной школы.

¹ См.: Народное хозяйство Белорусской ССР.— Минск, 1980, с. 262.

² См.: Текущий архив Министерства высшего и среднего специального образования БССР, ф. 1, оп. 1, д. 1278, л. 68; д. 2078, л. 37.

³ Там же, д. 2078, л. 37, 42.

⁴ См.: Партархив Института истории партии при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 73, д. 322, л. 207.

⁵ См.: Партархив Минского ОК КПБ, ф. 1, оп. 68, д. 31, л. 78; ф. 69, оп. 9, д. 14, л. 7—11; Партархив Витебского ОК КПБ, ф. 1, оп. 122, д. 17, л. 152; ф. 113, оп. 42, д. 10, л. 45—46; Партархив Гродненского ОК КПБ, ф. 1, оп. 65, д. 20, л. 112, оп. 69, д. 14, л. 4.

⁶ См.: Текущий архив Министерства высшего и среднего специального образования БССР, ф. 1, оп. 1, д. 1278, л. 51.

⁷ См.: Народное хозяйство Белорусской ССР.— Минск, 1980, с. 175.

Б. З. КОПЫССКИЙ

РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА БЕЛОРУССИИ (конец XVI—первая половина XVII века)

Рыночные связи крестьянского хозяйства этого периода представляют собой сложное, мало изученное явление. Нами проанализированы 22 судебные книги Брестского, Витебского, Минского, Новогрудского, Оршанского, Пинского, Слонимского поветов с 1589 по 1642 год. Они содержат сведения о покупках, совершенных 403 крестьянскими семьями. Почти во всех актах и жалобах, зафиксированных в судебных книгах, упоминаются покупки орудий труда и предметов, необходимых в хозяйстве: «нароги с полицами», «лемеша с напалками», серпы, косы, топоры, свечки, мотыги, пшени, «ости железные чем рыбу бьют», сковороды, бочки, хомуты, седла, жернова, скобли, точила, долота и т. д.

В ряде жалоб и актов засвидетельствована покупка рабочего скота, причем конь стоил в 2—4 раза дороже вола, хотя Статутом 1588 года на них была установлена одинаковая цена—2 копы¹. Крестьяне покупали на рынке коров, птицу, зерно, шерсть, соль. Постоянство таких записей заставляет усомниться в правильности утверждения Д. Л. Похилевича о том, что затраты крестьянина «собственно на хозяйство находились на втором плане»².

В актах перечислено более 20 названий мужской и женской одежды, которые покупал белорусский крестьянин на рынках. Так, в акте от 9 июня 1609 года об ограблении боярина, возвращавшегося после продажи зерна на рынке Деречина, перечислены следующие вещи: «поес с калитою, а в калите дей было 6 коп грошей без двадцати грошей литовских, калита и поес коштывали 12 грошей литовских, сермягу новую одну, которая дей коштывала 50 грошей литовских, кожух один бараний новый, который коштывал 70 грошей литовских, шапку, которая коштывала 6 грошей, боты, которые дей коштывали грошей 15 литовских»³. Чаще всего в документах называются кожухи, рубахи, сермяги, простицы, наметки, шапки летние, зимние, в том числе подшитые бобром, выдрой, лисой, «дхором», пояса, как правило, «с калитой», «с мешком», «с мошкой» и с «ножами узгорскими», с «огнивом». Среди приобретений крестьян было и оружие—«ручница на птицу», «пулгак».

Всего в источниках перечислено более 60 предметов, которые покупал белорусский крестьянин на рынке для хозяйственных и личных нужд. Интересно, что стоимость отдельных товаров на различных рынках Белоруссии была одинаковой. Так, например, на рынках Оршанского и Новогрудского поветов в 1590 и 1592 годах цены на волов были одинаковыми. В 1590, 1609, 1617 годах в Слонимском, Минском, Оршанском поветах крестьяне платили одну цену за коней⁴. Эти факты позволяют предположить, что товарно-денежные отношения в известной мере сблизили локальные рынки, хотя этому процессу все еще мешали резко различавшиеся местные единицы веса и меры.

В рассмотренных документах часто сообщается о вымогательстве у крестьян денег, изъятии у них денег при разбойном нападении. Арендаторы имений, стремясь увеличить свои доходы, переводили крестьян на денежный оброк. «Реестр шкод и перебрания провентов над инвентар в державе Дрысвяцкой» свидетельствует, что арендатор подобным способом взимал с 39 сел в 1617—1619 годах в два-три раза большие суммы, чем это позволяли условия аренды. Только в 1618 году вместо установленных 515 злотых он собрал с крестьян 1356 злотых⁵. Наличие у крестьян денег подтверждается также широким применением феодалами денежных штрафов. Замена натурального побора денежным, использование денежных штрафов для поддержания удобного феодалу порядка, разнообразные покупки крестьян, акты грабежа, вымогательства, произвольные поборы возможны были при условии постоянной связи крестьянского хозяйства с рынком, систематической продажи крестьянами продуктов хозяйства.

Во второй половине XVII века крестьяне постоянно торговали на рынке в Бресте, о чем свидетельствует взимание с них мостового сбора. Документы содержат сведения о продаже крестьянами на брестском рынке пшеницы, сена. В 1590 году «селяне» торговали на рынке Лиды, в 1593 году в Вильно для продажи привозили хмель крестьяне села Милейков Слонимского повета. Устава Могилевской волости 1594 года и жалованная грамота Новогрудку 1595 года предусматривали право крестьян «всякий добыток домовый, польный и лесной и мед прасный... и которого зверя... убивены на торгу продать...»⁶ В 1595—1600 годах в Минске и Родошковичах торговали зерном крестьяне окрестных сел, а некоторые из них отправлялись «со всяким збожком» «на продажу до Вильна». Устава Могилеву 1604 года свидетельствует, что «из сел подданные звукли в рынке города крамницы, ятки мясные, лотки иметь свои и товары в них свои оставлять». В 1609 году «на торгу в неделю в Деречине» продавали зерно крестьяне имения Молютичи. О постоянной торговле крестьян на городском рынке сообщает и устава Стрешинской волости 1618 года⁷. В 1642 году пять крестьян села Вейны Могилевской экономии наняли байдак, загрузили в него «пять полубочек» зерна и отправились по Днепру в Киев «для продажи на рынке»⁸.

Торговля имела для крестьянина столь важное значение, что, например, владелец имения Рожанка Лидского повета в перечне повинностей объявил вторник свободным от всех работ, поскольку это «день торговый». Королевской грамотой 1629 года крестьянам имения Невельского предписывалось бывать «в установленные дни... на торгах и ярмарках ближние всегда, а дальние поочередно...» в Невеле и Себеже, а также запрещалась, как и Стрешинской уставой 1618 года, тайная торговля вне рынка⁹. Регламентация торговли имела целью обеспечить уплату крестьянами чинша. Об этом прямо сказано в перечне повинностей крестьян Красногородской волости, где специально отводится время для продажи крестьянами зерна.

Крестьяне продавали не только продукты земледелия, но и животноводства. Совмещая с сельским хозяйством ремесло и промыслы, крестьяне продавали также гончарные изделия, «товар бондарский», пиво, водку, а также продукты охотничьего промысла «бобры, рыси, лисы, кунцы, скуры лосии и медвежьи»¹⁰.

С товарно-денежной системой в рассматриваемый период крестьянство было связано и через кредитные операции. В Статут 1588 года перешла статья Статута 1529 года, запрещавшая мещанам самовольно взыскивать долги с крестьян на рынке. Книга бурмистровского суда Могилева за 1624 год содержит перечень крестьян, должников могилевского купца-кредитора. Записи книги Могилевской городской ратуши 1595—1600 годов перечисляют 11 крестьян-кредиторов, дававших в долг по 5—7 коп. В одной из них, за 1598 год, упоминается передача крестьянином села Романовичи бурмистру Могилева 53 коп. 13 грошей «в опеку» с выплатой ежегодно опекуном «интереса по 5 коп. 12 грошей». В записях 1642 года отмечено 16 кредитных операций, в которых крестьяне ссужают мещанам от 15 до 54 коп, а также зафиксировано 10 долговых актов мещан крестьянам окрестных сел¹¹.

Развитие торговых операций крестьянства в этот период привело даже к появлению купцов, выходцев из крепостных крестьян. Так, «человеком торговым» назван в книге Слонимского городского суда за 1639 год

крестьянин из села Ярошова, а в 1642 году — крестьянин из села Искани Могилевской волости¹². С чисто купеческим размахом вел торговлю крепостной крестьянин из села Миновичи Минского повета Василь Глушонок. Управляющий имением Житин пишет в жалобе от 30 мая 1625 года, что Глушонок и оба его женатых сына, бежавшие из села «отчыи власные... люди добре заможные, купцы». Он «товарами розными, збожем и пенкою гандлевал, витины до Крулевца спущал, конми, быдлом купчыл» вместе с сыновьями. Из села Жарновка того же имения бежали четыре семьи, имущество которых управляющий оценил в 12 тыс. злотых. А в 1624 году из соседнего села Ляды бежали также четыре семьи, главы которых вели обширную торговлю «быдлом рогатым и не рогатым, збожем и иным спратом домовым... конми... слонинами, садлами, маслами, сырами...»¹³

Несомненно, эти данные отражают явление крайне редкое, исключительное. Но сама возможность возникновения такого исключения позволяет говорить о возросшей роли товарно-денежных отношений в крестьянском хозяйстве. Регулярной торговлей на рынке могла заниматься лишь небольшая часть крестьянства, его верхушка, а для подавляющей массы крестьян продажа сельхозпродуктов и ремесленных изделий на рынке была вынужденной — Нужны были деньги для уплаты налога и чинша. Товарно-денежные отношения в конце XVI — первой половине XVII века отражали и дополнительно стимулировали возникновение имущественного неравенства среди крестьянства. Рыночные связи накладывали свой отпечаток на состояние крестьянского хозяйства, способствуя его дифференциации, увеличению количества бедных и разоренных семей.

¹ См.: Лаппо И. И. Литовский Статут 1588 г. — Каунас, 1938, т. II, разд. XIII, арт. 5, 6.

² Похилевич Д. Л. Бюджет крестьян Белоруссии и Литвы в XVI в. — История СССР, 1972, № 1, с. 156.

³ ЦГИА БССР, ф. 1737, оп. 1, д. 10, л. 247.

⁴ АСД, т. 1, с. 178—185; ЦГИА СССР, ф. 823, оп. 1, д. 142, л. 1—3; ЦГИА БССР, ф. 1737, оп. 1, д. 4, л. 300—302; д. 10, л. 10—11, 234.

⁵ ЦГИА БССР, ф. 694, оп. 4, д. 891, л. 198—199.

⁶ См.: Працы клясы гісторыі. — Мінск, 1929, т. III, с. 125; Опись документов Виленского центрального архива древних актовых книг. — Вильна, 1913, вып. X, стб. 169; ЦГИА БССР, ф. 1705, оп. 1, д. 1, л. 147.

⁷ ЦГИА БССР, ф. 1705, оп. 1, д. 1, л. 147; ф. 1722, оп. 2, д. 79, л. 134—145; ф. 1785, оп. 1, д. 13, л. 96; ф. 1737, оп. 1, д. 10, л. 246—247; СДГАМ, Минск, 1848, док. № 34; АСД, т. 1, с. 194; РОБАН Лит. ССР, ф. Г-43, д. 17402, л. 25; ЦГИА БССР, ф. 1296, оп. 5, д. 3, л. 579; ф. 1727, оп. 1, д. 1, л. 41, 166—167, 959, 1073.

⁸ ЦГИА БССР, ф. 1828, оп. 1, д. 10, л. 1080.

⁹ АВАК, т. 14, с. 639; ЦГИА Лит. ССР, ф. Древние акты, д. 37, л. 463, 474; РОБАН Лит. ССР, ф. Г-43, д. 17402, л. 29; ЦГИА БССР, ф. 1828, оп. 1, д. 3, л. 430 об.

¹⁰ ЦГИА БССР, ф. 1737, оп. 1, д. 10, л. 216; ф. 1747, оп. 1, д. 5, л. 152—153; ЦГИА СССР, ф. 823, оп. 1, д. 455, л. 1.

¹¹ ЦГИА БССР, ф. 1828, оп. 1, д. 10, л. 41, 42, 132, 168, 199, 215, 289—290, 341, 716, 780, 789, 909, 933, 983, 1010, 1031.

¹² ЦГИА БССР, ф. 1737, оп. 1, д. 8, л. 816; ф. 1828, оп. 1, д. 5, л. 137.

¹³ Там же, ф. 694, оп. 4, д. 1012, л. 37, 46.

Т. Ф. АПАНАСОВИЧ

ВКЛАД ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО В НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ

Происхождение и содержание библейских книг привлекали и привлекают внимание многих исследователей. Одни ученые исследуют библейские тексты критически, с научных атеистических позиций, другие же, в первую очередь богословы, стремятся путем устранения из Библии наиболее явных вымыслов и противоречий сделать ее более действенным орудием укрепления религиозного мировоззрения. Критический анализ «священного писания», имеющий важное значение в преодолении религиозных предрассудков и суеверий, опирается на результаты исследований ученых прошлых времен в этой области.

Одним из основоположников научной критики «священного писания» является Эразм Роттердамский (1469—1536) — выдающийся представитель немецкого гуманизма. В странах Западной Европы конец XV — на-

чало XVI века характеризуется господством католической церкви во всех сферах духовной жизни. В таких условиях сущность официальной философии (схоластики) сводилась к тому, чтобы посредством различных логических ухищрений обосновать и защитить догмы религии, которые являлись исходным пунктом и основой всякого мышления. Эразм Роттердамский, несмотря на то, что католическая церковь всячески препятствовала историко-критической работе над библейскими текстами, впервые издает греческий оригинал Нового завета с латинским переводом греческого текста и обширными комментариями. Эразм сверил десять различных по времени написания рукописей. Результаты этой работы выявили многочисленные погрешности в библейских текстах и требовали внесения поправок не только в текст, но и в традиционное понимание и толкование «священных книг». Как указывает ученый, источником ошибок явилось невежество богословов, на протяжении веков искажавших смысл «священного писания», часто низводивших его до уровня нравов своего времени: «...по своему произволу они толкуют и объясняют сокровеннейшие тайны: им известно, по какому плану создан и устроен мир, какими путями передается язва первородного греха... Ставя свои конклюдзы, скрепленные авторитетом нескольких схоластиков, превыше Солоновых законов, — подчеркивает Эразм, — мнят они, будто силлогизмами своими поддерживают готовую рухнуть вселенскую церковь»¹. Гуманист отвергал исключительное право богословов на трактовку текстов «священного писания». Однако теологические взгляды Эразма не позволили сделать радикальных выводов из его работы над библейскими текстами. Немецкий гуманист проводит чисто филологическо-критический анализ библейских произведений, не касаясь исторического анализа. Его усилия направлены прежде всего на очищение христианства от позднейших наслоений. В этом стремлении Эразма выразилась идеализация им раннего христианства.

Основные моменты критического анализа богословской трактовки библейских текстов находят отражение в выдвинутой Эразмом системе гуманистических взглядов, получившей название «христианский гуманизм». Его учение является переработкой христианской этики в соответствии с принципами гуманизма и находится в непримиримом противоречии с богословскими схоластическими теориями и рассуждениями о мире и боге. В основе «христианского гуманизма» лежит требование действительного соблюдения жизненных норм человеческой морали. С этих позиций критикует Эразм пышность культа и людей, которые тратят огромные средства на сооружение и украшение храмов, в то время как их соотечественники мучаются жесточайшей нуждой. Он обличает невежество, алчность и разврат священников, лицемерие богословов, симонию и коррупцию церкви².

Для Эразма человеческое начало в христианстве имеет большее значение, чем божественное. Человеку отводится главенствующее положение в природе, ради него был создан весь земной мир. В противовес мрачному средневековому аскетизму и устремлению в загробный мир Эразм выступает за развитие физических и духовных сил человека, провозглашает принцип жизнелюбности, активной деятельности людей. Он указывает, что земная жизнь человека должна быть самой приятной из всех возможных и до краев наполненной истинными радостями, дающими наслаждение душе, а не плоти³.

Немецкий ученый постоянно отстаивает близость античного наследия к гуманистическому мировоззрению. Однако основой мировоззрения Эразма остается христианство: «классицизм» служит ему исключительно как форма, а из древности выбирает только те элементы, которые под этическим взглядом согласуются с идеалом христианства»⁴.

Решая проблему отношения античной культуры к христианству, Эразм одновременно затрагивает и более глобальную проблему — взаимоотношения веры и знания. Вера является основным понятием христианства. Богословы объявили веру высшей, непреходящей ценностью человеческого сознания, которая находится в непримиримом противоречии с наукой и знанием. Анализируя «Книгу антиварваров», советский ученый М. Смирин указывает, что вопрос о согласовании веры и знания Эразмом решается следующим образом: «Научные знания составляют необходимый и важный момент в «мировой гармонии», поскольку, стимулируя целенаправленную волю людей и их разумную деятельность, они образуют основу первой ступени нравственного совершенства и таким путем подво-

дят к христианской вере, являющейся, согласно его учению, высшей ступенью нравственного совершенства, недоступной человеческому разуму»⁵. Такая точка зрения отражает ограниченность мировоззрения Эразма в вопросе соотношения веры и знания и означает недооценку им решающей роли знаний в человеческой жизни.

Эразм Роттердамский выдвигает также новое решение вопроса о свободе воли, о волевой активности человека в религиозной сфере, а также в светской и общественной жизни. Как отмечает Дильтей, человеческий разум и воля выступают у Эразма вполне самостоятельно, влияя на ход дел в земном существовании человека⁶. Человеком может называться, по мнению Эразма, лишь тот, кто достиг господства нравственного начала над природными влечениями, для которого «истинное и единственное наслаждение — это радость чистой совести»⁷. Разум человека всесилен и нет ни одной страсти, чтобы он не был в состоянии ее обуздать или направить к добродетели⁸. Немецкий гуманист неизменно осуждает фатализм, пассивность в жизни тех, кто рассчитывает оправдаться одною верою. Нравственное совершенство человека достигается лишь через его активную деятельность, использующую человеческий опыт. «Ожидать, — говорит Эразм, — от небесного вдохновения того, чему можно хорошо научиться у человека, свойственно либо глупцу, что еще хуже, — высокомерному»⁹. Эразм Роттердамский указывает, что человек должен управлять собственным характером для выработки твердой воли, которую необходимо направить к достижению нравственных качеств: любовь к истине, скромность, трезвость, нравственное поведение. В практических делах человек должен прежде всего рассчитывать на свои силы. Этим самым Эразм возвышает человека, в то время как официальные богословы, по-своему трактуя отдельные фрагменты «священного писания», всячески старались принизить ценность человеческой личности. Эразм Роттердамский саркастически высмеивает тех, кто хочет спастись молитвами, взятками, индульгенциями¹⁰. Признавая существенным для христианства только «дух веры», а не его внешнее проявление в виде церемониальных обрядов, поклонений реликвиям, бессмысленных паломничеств в святые места, он вступает в противоречие с ортодоксальной теологией.

Эразм Роттердамский не был атеистом, но его труды сыграли большую роль в подрыве авторитета церкви, в разрушении ее духовной диктатуры, оказали плодотворное влияние на дальнейшее развитие библейской критики. Его выводы относительно сущности человеческой личности имеют атеистическую направленность. В них восстанавливается вера в могущество человеческого разума, реабилитируется земная жизнь человека в противовес иллюзорной, потусторонней жизни. Гуманистическая философия Эразма Роттердамского воплотила в себе идеи зарождающейся идеологии нового времени, положила начало развитию рационалистических воззрений последующих веков.

¹ Эразм Роттердамский. Похвала глупости. — М., 1960, с. 71, 75.

² См.: Эразм Роттердамский. Разговоры запросто. — М., 1969, с. 102, 104, 549.

³ Там же, с. 632—634.

⁴ Huizinga J. Erasmus. — Basel, 1936, s. 123—124.

⁵ Смирин М. М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. — М., 1978, с. 126.

⁶ См.: Dilthey W. Gesammelte Schriften. — Leipzig, 1923, Bd. 2, S. 74.

⁷ См.: Desiderii Erasmi Roterodami: Opera Omnia ... recognovit Johannes Clericus. Lugduni Butavorum, 1703—1716, t. V, col. 42B-C.

⁸ Ibid, col. 14F.

⁹ Ibid, t. X, col. 1704F.

¹⁰ См.: Эразм Роттердамский. Разговоры запросто, с. 28.

Р. А. СМОЛЬСКИЙ

КРИТИКА МОНТЕНЕМ ФЕОДАЛЬНО-ЦЕРКОВНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

В общественно-политической мысли Западной Европы эпохи позднего Возрождения видное место принадлежит выдающемуся французскому гуманисту Мишелю Монтеню, который внес существенный вклад в осуждение феодально-церковного мировоззрения. Подавляющему большинству

западноевропейских буржуазных исследователей творчества мыслителя не по душе его скептицизм, который подрывал основы средневекового мирозерцания и расчищал путь для развития прогрессивной критической мысли. Поэтому они стремятся представить «пирронизм» философа в качестве оружия, которое использовалось им для борьбы против атеистов и противников христианской церкви, а в нем самом склонны видеть колено-преклоненного верующего. Так, по мнению В. Жиро, скептицизм Монтеня — не что иное, как апологетическое средство. Кроме того, он утверждает, что гуманист остался католиком из-за осторожного ума и социального консерватизма¹. Д. Менаже указывает, что мыслитель был одним из тех, кого называют фидеистами, а его «пирронизм» — превосходная подготовка к религии². Однако ряд западноевропейских исследователей подчеркивает, что скептицизм Монтеня носил антирелигиозный характер³. По словам П. Судея, «пирронизм» перигорского скептика был ничем иным, как ироническим орудием войны с религией⁴.

Советские ученые считают, что скептицизм мыслителя является не всеобъемлющей гносеологической доктриной, а особым методологическим приемом, преследующим цель пересмотреть догмы и выработать независимые от господствующей церкви суждения.

Монтень нисколько не сомневался, что религия представляет собой чисто земное явление. Христианство, по его убеждению, является истиной только для народов, населяющих большую часть европейского континента, а в других регионах мира становится ложью. Наиболее подвержены воздействию религии простые умы, имеющие смутное представление об окружающем мире. «Для христиан, — писал он, — натолкнуться на невероятную вещь — повод к вере. И это тем разумнее, чем сильнее такая вещь противоречит человеческому разуму»⁵. Люди, которые способны здраво судить обо всех предметах и явлениях, совершенно не подвержены вере.

Богословы неоднократно подчеркивали, что христианство было возведено «сыном божьим» и облакали его образ плотью и кровью, приписывали ему сугубо человеческие качества и черты. Все это — антропоморфизм, который свойствен всем монотеистическим религиям. Монтень, избегавший открыто вступать в конфронтацию с христианством и обличать его в антропоморфизме, адресовал упрек в этом политеистическим религиям и нехристианским верованиям. Все религии, указывал он, делают богов из существ, которые обладают человеческой природой: «частями нашего тела, нашими костями, нашими недугами и нашими наслаждениями, нашими смертями и нашими похоронами»⁶. Они, по его словам, приписывают богу разум, гнев, мстительность и другие качества. Если всевышний является первопричиной Вселенной, то его нельзя наделять человеческими качествами. Наделяя его добром, справедливостью и т. д., мы превращаем бога в обыкновенного человека и делаем его тленным и жалким. В божество люди вкладывают свои стремления, желания и по существу обожествляют самих себя. Причину этого явления гуманист видел в том, что всякий может сравнить качества всех других существ, только сопоставляя их со своими собственными. «Эти качества мы можем усиливать и ослаблять, но мы не можем сделать ничего большего, ибо дальше этого сопоставления и этого принципа наше воображение неспособно пойти: оно не в состоянии вообразить ничего иного, оно не может выйти за эти пределы и переступить их»⁷.

Для обличения антропоморфизма Монтень использовал наличие близкого родства и сходства между человеком и животным. Мыслитель подерживал Ксенофана, который заявил, что если бы животные могли создавать себе богов, то несомненно бы изваяли их по своему подобию и так же превозносили бы их, как и люди. Подвергнув критике антропоморфические представления, философ иронизировал: «Я бы скорее понял тех, кто поклоняется змее, собаке или быку, поскольку меньше зная природу и свойства этих животных, мы можем с большим основанием думать о них все, что нам хочется, и приписывать им необычайные способности»⁸.

Показав корни и несостоятельность антропоморфизма, гуманист высказал свое мнение и об антропоцентризме. Люди убеждены, что для них существует движение небосвода, льется свет, раздается ропот моря, гремит гром, предназначены все животные. Кроме того, они полагают, что мы являемся центром, к которому тяготеет все сущее. Мыслитель заметил, что к подобным выводам могли бы придти гусенок и журавль. Первый также мог бы сказать, что внимание Вселенной устремлено на него,

что земля существует для того, чтобы он по ней ходил и т. д. Второй мог бы об этом сказать еще более красноречиво, так как ему доступна небесная высь. Не обошел вниманием автор «Опытов» вопрос о «божественном вмешательстве» в дела людей. По мнению Монтеня, человечество напрасно приписывает всевышнему события, которые являются для него существенными, напрасно верит в то, что он помогает верующим и наносит ущерб еретикам. Мыслитель полностью отбросил тезис о вмешательстве бога в дела людей и в изменения, которыми так богата природа Земли. Не сошелся Монтань с христианством и во взгляде на «проблему» сотворения мира. Как известно, Библия утверждает, что мир был создан богом около семи тысяч лет назад. В своем сочинении гуманист указывал, что египетские жрецы до Геродота насчитывали одиннадцать с лишним тысяч лет со дня правления их первого царя. По данным Цицерона и Диодора, халдеи имели летописи, охватывавшие промежуток времени в четырехста тысяч лет.

Вера в чудеса является неотъемлемым атрибутом как православия, так и католицизма. Анализируя сверхъестественные явления, Монтень показал, что они сводятся к абсолютно естественным. По его убеждению, вера в чудеса покоится на невежестве и легковерии людей. Необычайность рассказываемого внушает слушателям веру в чудесное и лишает их средств борьбы с ним. «Поэтому люди ничему не верят так твердо, как тому, что они меньше всего знают, и никто не выступает с такой самоуверенностью, как сочинители всяких басен — например, алхимики, астрологи, предсказатели, хироманты...»⁹ Некоторые явления, отмечал гуманист, принимаются за сверхъестественные только из-за неумения выявить их действительные причины. Каждый человек и каждый народ называют сверхъестественными вещи, недоступные пониманию. По мнению мыслителя, если чудеса и существуют, то лишь только потому, что мы еще плохо знаем природу, а не потому, что ей это свойственно.

Заслуга Монтеня заключается не только в том, что он отверг веру в чудеса. Гораздо важнее, что он стремился подорвать истоки этого предрассудка, культивируемого христианством, и подверг анализу процесс возникновения веры в сверхъестественные явления. Люди, которые первыми слышали о необычайном явлении, повсюду превозносят его. Чтобы эти сведения были более правдоподобными, рассказчики стараются укрепить самые слабые места ложными свидетельствами. «Спервоначально чье-то личное заблуждение становится заблуждением общественным, а затем уже общественное заблуждение оказывает влияние на личное. Вот и растет эта постройка, в которой каждый прикладывает руку так, что самый дальний свидетель события оказывается осведомленным лучше, чем непосредственный, а последний человек, узнавший о нем, — гораздо более убежденным, чем первый»¹⁰. Монтень обратил внимание также на механизм внедрения чудес. В тех случаях, когда обычных средств для их распространения становится недостаточно, монархи, прелаты прибегают даже к насилию. Огонь, железные мячи являются для них важным средством насаждения поклонения чудесам. Критерием истины они считают численность уверовавших в самую настоящую глупость, а она-то всегда значительно превышает число здравомыслящих людей¹¹. С отрицательным отношением перигорского скептика к сверхъестественным явлениям тесно связано осуждение им веры в колдовство, в злых духов.

В противовес господствующей идеологии Монтень отвергал бессмертие души и существование потустороннего мира. «Признаемся чистосердечно, что бессмертие обещают нам только бог и религия; ни природа, ни наш разум не говорят нам об этом. И тот, кто захочет испытать внутренние и внешние способности человека без этой божественной помощи, кто посмотрит на человека без лести, не найдет в нем ни одного качества, ни одного свойства, которые не отдавали бы тленом и смертью»¹². Он называл маловероятной мысль о том, что в будущей загробной жизни наслаждения достигнет духовная часть человека. Свой тезис мыслитель подкреплял ссылкой на «безбожника» Лукреция, писавшего, что вырванный из орбиты и находящийся вне человеческого организма глаз не в силах рассмотреть ни один предмет¹³. По убеждению скептика, там, где оканчивается человеческая жизнь, находится и предел ее существования. Гуманист разоблачал мифичность надежд на воздаяние в потустороннем мире, подвергал резкой критике любую форму ханжеского благочестия, призывы христианства к аскетизму и умерщвлению плоти.

Отвергая религиозно-аскетический идеал жизни, насаждавшийся церковью, он подчеркивал: «Нет ничего более прекрасного и достойного одобрения, чем должным образом хорошо выполнить свое человеческое назначение. Нет науки, которой было бы труднее овладеть, чем умением хорошо и согласно всем естественным законам прожить эту жизнь. А самая зверская из наших болезней—это презрение к своему естеству»¹⁴. Человек обязан жить в соответствии с природой и не подчиняться предрассудкам, которые проповедают с амвонов служители культа. Таким образом, Монтень вскрыл несостоятельность важнейших положений, на которых зиждется христианская религия, и тем самым нанес существенный удар по феодально-церковному мировоззрению.

¹ См.: Giraud V. *Maîtres d'autrefois et d'aujourd'hui*.— Paris, 1912, p. 31, 37—38.

² См.: Menager D. *Introduction à la vie littéraire du XVI siècle*.— Paris, 1972, p. 116.

³ См.: Michel P. *Continuité de la sagesse française (Rabelais, Montaigne, La Fontaine)*.— Paris, 1965, p. 39; Souday P. *La société des grandes esprits*.— Paris, 1929, p. 109; Weiler M. *Pour connaître la pensée de Montaigne*.— Paris, 1948, p. 67.

⁴ См.: Souday P. *Op. cit.*, p. 109.

⁵ Montaigne M. D. *Essais*.— Paris, 1965, t. I, liv. II, ch. XII, p. 553.

⁶ Ibid., p. 574.

⁷ Ibid., p. 593—594.

⁸ Ibid., p. 574.

⁹ Ibid., t. I, liv. I, ch. XXXII, p. 245—246.

¹⁰ Ibid., p. 475.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid., t. I, liv. II, ch. XII, p. 620.

¹³ Ibid., p. 578.

¹⁴ Ibid., t. II, liv. III, ch. XIII, p. 571.

Е. Н. БОДРОВ

ГИПОТЕЗА КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ НАТУРФИЛОСОФИИ

В современной научной литературе вопрос о роли гипотезы в становлении и развитии античного натурфилософского знания является дискуссионным. Поиск непротиворечивого метода познания природы, стремление к доказательности, логической обоснованности теоретического знания, широкое использование мысленных экспериментов связывают древнегреческую натурфилософию с современной наукой. «Научное понимание не могло возникнуть без умозрения как предпосылки, — пишут Ф. Кумпф и З. М. Оруджев, — ибо именно умозрение является источником идей (хотя и абстрактных), общих догадок и гипотез»¹.

Таким образом, вследствие умозрительности учений досократиков, отсутствия развитой экспериментальной базы их учения объективно оставались только догадками и гипотезами. На этот факт обращали внимание многие естествоиспытатели. Н. Бор, например, отмечал, что атомистические идеи Демокрита плодотворно содействовали развитию физики, начиная с эпохи Возрождения, «но на них всегда, вплоть до начала этого столетия, смотрели как на гипотезу»².

В Древней Греции первоначально на основе традиционных мифологических оппозиций «теплое — холодное», «сухое — влажное» и т. п. формировались собственно натурфилософские оппозиции «единое — многое», «сходное — различное», «предел — беспредельное» и т. д. Эти оппозиции в качестве исходных принципов научного исследования, так сказать, «задавали» поле проблем, выполняли регулятивную роль в выдвижении гипотез, интегрировали компоненты учения в единое целое.

Известный догматизм в понимании истины обусловлен тем, что первые физиологи не считали свои учения принципиально новым знанием. Истинность теории обосновывается главным образом ее генетическими связями с наличным знанием, а истинность последнего удостоверена его древностью и признанием общества. Задача философа — вывод и развитие только необходимых следствий из числа всех следствий, потенциально содержащихся в донаучной картине мира. Вставал вопрос — каким должен быть необходимый вывод? Этот вопрос порождал проблему метода. Со всей остротой и ясностью она встает только в результате общего кризиса оснований научного исследования, вызванного учением элеатов. В итоге появляется первый в истории Греции (к сожалению, не сохранившийся) логический трактат Демокрита «О канонах».

Средства, используемые для построения натурфилософских гипотез, по своему содержанию хотя и являлись необходимыми, но не были достаточными. Эта их ограниченность проявлялась в широко практиковавшемся включении мифологических представлений в структуру гипотез. В данном случае, под «средствами» мы имеем в виду общие понятия, принципы и представления, используемые как «строительный материал» для конструирования гипотез, а также идеалы и нормы объяснения и доказательства. Они генерируются в процессе развития культуры. Транслированные в натурфилософию из различных областей знания — медицины, астрономии, географии, особенно из математики — «средства» получают

первоначальную, собственно натурфилософскую семантическую интерпретацию уже в процессе формирования общей проблемы.

Данная проблема формируется в виде вопроса: «Что есть начало, единый источник многообразия всех вещей и их основа?» Ф. Энгельс писал, что стихийный материализм древних греков на первой стадии своего развития считает само собой разумеющимся единство в бесконечном многообразии явлений природы и ищет его в чем-то особенном, телесном, как Фалес в воде³. Таким образом, первая натурфилософская гипотеза формулируется в виде экзистенциального суждения, путем снятия квантора вопроса и подстановки вместо переменной «что» конкретного понятия «вода». Однако то, что мы получили в результате подстановки, может быть названо, используя гегелевскую терминологию, «чистым», или «индифферентным» бытием. Гегель писал, что Фалес «совершил отвлечение, дабы объять природу в одной простой чувственной сущности» и тем самым определил воду «как бесконечное понятие, как простую сущность мысли, не признавая за ним никакой дальнейшей определенности, кроме количественных различий»⁴. Поэтому закономерен следующий шаг, сделанный Анаксимандром, принявшим за первоначало неопределенное и беспредельное (апейрон).

В апейроне уже намечены черты логического понятия, но и здесь еще логическое не оторвано от физического. Философская абстракция Анаксимандра не выводила за пределы вещественности. Следовательно, возникновение нового могло мыслиться лишь по аналогии с живым — путем порождения. Но для этого нужны «родители». И они есть эти «детородные начала», это — противоположности. Короче говоря, решить проблему — вывести весь мир из единого первоначала — не смог и Анаксимандр.

Необходимо было выделить некоторые существенные признаки первоначала, чтобы установить генетическое отношение к нему вещей. Это и сделал Анаксимен, попытавшийся произвести операцию деления понятия «Воздух» по видообразующим признакам «Разреженное» и «Плотное». Но количественная определенность противоположностей — весьма расплывчатое основание деления, и Анаксимену приходится обратиться к наличному знанию: членами деления становятся «элементы структуры» донаучной картины мира — ветер, вода, земля, камень⁵. Можно предположить, что он рассматривал свое учение как совокупность следствий, выведенных из наличного знания. И хотя эти следствия имели не тривиальный характер, Анаксимен, по существу, не ставил цели обосновать их. На вопрос, какова закономерная связь противоположностей, донаучное знание «подсказывало» ответ, но не форму объяснения; последняя могла быть найдена в процессе «умозрения» — общего метода познания природы.

Решением данной проблемы занялся Гераклит. Экспликация существенных связей между противоположностями в понятиях «единства» и «борьбы» есть не что иное, как формулировка теоретического закона. (Разумеется, у самого Гераклита абстрактная формулировка отсутствует, он использует синкретичное понятие «логос»). Как правило, демонстрация действия закона осуществляется путем подбора соотносительных понятий, например, «день — ночь», «отец — сын», «война — мир» и т. п. Обращает на себя внимание следующий момент. У Гераклита отношения между противоположностями симметричны, т. е. существование одной из них является необходимым и достаточным условием существования другой, и наоборот. Логически это отношение может быть выражено эквиваленцией $(p \rightarrow q) \wedge (q \rightarrow p)$.

Найденный принцип Гераклит делает универсальным, распространяя его на отношения всех вещей и явлений. Но теория не может довольствоваться простым перечислением пар противоположностей, она подводит все многообразие явлений под конечную (в идеале — минимальную) совокупность категорий. Гераклиту ничего не оставалось, как, подобно своему предшественнику, прибегнуть к традиционным оппозициям: «Огонь живет землей смертью, и воздух живет огнем смертью; вода живет воздухом смертью, земля — водой (смертью)»⁶.

Ранние пифагорейцы смещают точку равновесия противоположностей в сторону Предела, отношение между причиной и следствием становится необратимым и односторонним ($p \rightarrow q$). Они элиминируют как избыточное понятие «логос», принимавшее у Гераклита, не без влияния «оборотнической логики», различные значения в зависимости от контекста. Гераклитово учение о гармонии они интерпретируют в теории пропорций,

теории музыки и, наконец, в космологии. Таким образом, понятия пифагорейцев более просты (достаточны) и экономны, а учение в целом имеет более дифференцированный системный характер.

Следовательно, в процессе решения общей для всех досократиков проблемы уточняются требования к построению гипотез. Одна из величайших заслуг пифагорейцев — развитие метода натурфилософии на основе использования математики как средства получения нового знания о мире. Впрочем, рефлексии над теми простейшими правилами и логическими операциями, которые регламентировали процесс познания, еще не было. Первая попытка такой рефлексии принадлежит Пармениду. Он выявил и абсолютизировал некоторые идеалы доказательства, постепенно сложившиеся в натурфилософии, сопоставил их с учениями о противоположностях и обнаружил противоречие между ними. Данное противоречие эксплицируется Парменидом в проблеме, фиксирующей две взаимоисключающие альтернативы: если бытие существует, то небытие не существует, либо если признается существование небытия, то необходимо отрицать существование бытия. Таким образом, противоположности из «союзников» превращаются в антагонистов. История свидетельствует о том, что подобные ситуации типичны для науки в период кризисов ее оснований. Понятно, значит, и попытка Парменида подтолкнуть натурфилософию на путь развития одной из альтернатив. В. Ф. Берков считает едва ли не магистральной линией научного мышления «тот факт, что при столкновении с противоречием познающее мышление может избрать наиболее привычный и распространенный путь устранения этого противоречия через доказательство ложности одной из альтернатив, попавшей в систему знания в результате якобы допущенной ошибки»⁷.

Истину, или «истинное бытие», элейский мыслитель снабдил лишь негативными предикатами (за исключением, пожалуй, шарообразности и однородности). Позитивное знание о мире фактически невыводимо из такого понимания бытия. Именно в натурфилософии Парменида наметился раскол между философией и физикой (в аристотелевском значении этих терминов). Как пишет В. Я. Комарова, для Парменида всякое объяснение чувственного мира (включая его собственное) принципиально не может быть доказанным, оно может быть только предположением⁸. Таким образом, физическое учение, представленное во второй части поэмы великого элеата — первая сознательно сформулированная гипотеза о мире.

«Младшие физики» Эмпедокл и Анаксагор пытались найти компромиссное решение общей для досократиков проблемы — они отказались от принципа единства бытия, заменив его принципом множественности первооснов, перекликающимся с «истинным бытием» Парменида. И хотя этот путь не мог привести к настоящему решению проблемы, им удалось создать интересные эволюционные космологические гипотезы, а также ряд частных гипотез. Так, И. Д. Рожанский отмечает достоинства гипотез Эмпедокла по поводу наследственности, различия полов и развития зародыша, объяснение механизма дыхания приливом и отливом крови по отношению к поверхности тела. Анаксегору удалось правильно объяснить не только солнечные, но и лунные затмения, а также ряд других астрономических и метеорологических явлений⁹.

Итак, развитие античной натурфилософии можно представить как цепочку гипотез, нацеленных на решение общей проблемы. Элейский анализ основ научного знания вскрыл двусмысленность в ее постановке — вопрос «Что является источником всего происходящего?» имплицитно содержал в себе другой вопрос: «Что в сущности есть все происходящее?» И хотя элеаты в своем учении фактически постулируют такое же «индифферентное» бытие, что и Фалес, различие между ними очевидно — именно Парменида Гегель считал первым в истории философом¹⁰. Обнажив подлинную антиномическую природу исходной проблемы, Парменид тем самым поставил задачу устранения противоречий внутри системы знания. Ключ к ее решению (синтез тезиса и антитезиса проблемы) был найден Демокритом. Атомистическая гипотеза, венчающая развитие древнегреческой натурфилософии, обобщала основные достижения теоретической мысли досократиков.

Идеи, лежащие в основе гипотез досократиков, имеют диалектический и материалистический характер. Именно поэтому «теоретическое естествознание, если оно хочет проследить историю возникновения и развития

своих теперешних общих положений, вынуждено возвращаться к грекам»¹¹.

¹ Кумпф Ф., Оруджев З. М. Дialeктическая логика: Основные принципы и проблемы.— М., 1979, с. 190.

² Бор Н. Атомная физика и человеческое познание.— М., 1961, с. 116.

³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 502.

⁴ Гегель. Сочинения.— М.— Л., 1932, т. 9, кн. 1, с. 165.

⁵ См.: Антология мировой философии в 4-х томах.— М., т. 1, с. 274.

⁶ Кумпф Ф., Оруджев З. М. Дialeктическая логика, с. 48.

⁷ Берков В. Ф. Идеал непротиворечивости и проблемные ситуации в науке.— В кн.: Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981, с. 394.

⁸ См.: Комарова В. Я. Становление философского материализма в Древней Греции (Логико-гносеологический аспект диалектики философского познания).— Л., 1975, с. 61.

⁹ См.: Рожанский И. Д. Античная наука.— М., 1980, с. 56.

¹⁰ См.: Гегель. Энциклопедия философских наук.— М., 1974, т. 1, с. 219.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 369.

А. П. ВАРДОМАЦИИ

РОЛЬ МАКРОСРЕДЫ В МОРАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

Моральная регуляция осуществляется на макро-, микро- и личностном уровнях. Каждый из этих уровней, обеспечивая нормальную работу механизма моральной регуляции в целом, выполняет какие-то свои определенные функции. Рассмотрим роль макросреды в этом процессе. Под макросредой мы понимаем такие большие социальные группы, которые закономерно сложились в ходе исторического развития и длительное время занимают определенное устойчивое место в системе общественных отношений. Говорить о размерах большой группы весьма затруднительно, ясно лишь, что они не позволяют всем ее членам постоянно поддерживать непосредственный контакт между собой. Типичным примером макросоциальных групп являются социальные классы, а также группы, различающиеся по национальному, профессиональному и возрастному составу.

Выделенные В. И. Лениным признаки¹ социального класса выражают точку зрения таких наук, как исторический материализм и политэкономия, рассматривающих класс под социально-экономическим углом зрения. Этика же, исследующая мораль как надстроечное явление, нуждается в конкретизации этих признаков в соответствии со спецификой своего предмета. С этических позиций в больших социальных группах выделяют: «1) относительно одинаковые объективные социальные позиции и, следовательно, общие интересы; 2) относительно одинаковый диапазон социальных возможностей для морального выбора; 3) общая в структурно-типологическом плане устроенность морального сознания; 4) общая ценностная ориентация; 5) приблизительно одинаковые способы «манифестации» своей моральной позиции и регуляции поведения; 6) общность трафарета оценки»² и т. д.

Если в антагонистических формациях макросфера выступала по отношению к личности в виде соответствующего социального класса, то при социализме, когда отсутствуют неразрешимые классовые противоречия, она разрастается, отождествляясь с обществом в целом. Например, макросредой советского человека является новая историческая общность — советский народ.

Роль макросреды в общем процессе моральной регуляции состоит в том, что в ней реализуются креативная, аккумулирующая и транслирующая функции. Креативная функция есть способность макросреды созидать моральные императивы. Сущность марксистского объяснения этого процесса заключается в указании на социально-экономические факторы как на источники всякой нравственности. «...Люди, сознательно или бессознательно, черпают свои нравственные воззрения в последнем счете из практических отношений, на которых основано их классовое положение, т. е. из экономических отношений, в которых совершаются производство и обмен»³. По этой причине каждый класс выдвигает свою моральную систему, являясь относительно самостоятельной нормоустанавливающей группой. В свою очередь, каждой общественно-экономической формации соответствует определенный тип нравственности: кровнородственная мораль

первобытнообщинного строя, грубая рабовладельческая зависимость, феодальный патернализм, «эквивалентность морального воздаяния» при капитализме, гармония личных и общественных интересов в коммунистической форме.

В то время, когда различные формы общественного сознания еще пребывали в синкретическом состоянии, представления о добре и зле тоже не имели специфически морального значения. Их смысл был гораздо более широким, являясь простым выражением представлений первобытного человека о хорошем и плохом началах в мире. Так, добро означало и физическую выносливость, и полезные предметы; четверка понятий «добро — красота — польза — истина» еще не расчленилась, сочетаясь в одном смысловом конгломерате. Первобытное сознание не было отягчено противоречиями между истиной и красотой, красотой и добром, добром и пользой и т. д.

Возникшая затем специфически моральная регуляция породила и соответствующую форму общественного сознания и соответствующий вид социальных норм. Эти нормы и представления появились в результате придания собственно морального статуса некоторым синкретичным общепониманиям и социальным взглядам древних, возникшего морального видения мира. Представление о полярности бытия превращается в противоположность добра и зла. После того как произошла дифференциация общественного сознания, мораль продолжала ассимиляцию представлений теперь уже из других его форм. «Моральное сознание не просто создает свои категории, но вовлекает в свою орбиту понятия из других форм общественного сознания, переосмысляя их и придавая им собственную логику»⁴. Например, лозунг «Пролетарии всех стран — соединяйтесь!», сформулированный Марксом и Энгельсом первоначально как политический лозунг рабочего класса, стал затем и нравственным принципом пролетарского интернационализма. Существует и обратная связь: моральные нормы становятся принадлежностью других форм общественного сознания. Таким образом, можно сказать, что между различными формами общественного сознания происходит взаимный нормообмен, причем чем «ближе» они находятся друг к другу, тем нормообмен активнее.

Возникшие тем или иным способом нравственные понятия претерпевают затем определенную эволюцию, которая заключается, в частности, в генерализации этих понятий — с одной, и дифференциации — с другой стороны. Известно, что честь — главный элемент структуры феодального морального сознания. Однако первоначальное значение слова в немецком языке гораздо уже — дар, приношение, служившее материальным выражением социального статуса индивида. Затем слово приобретает смысл «почести», «чествование». И лишь по мере развития феодальных отношений оно превращается в центральный принцип рыцарского морального кодекса. Наоборот, более общий нравственный императив в процессе существования обрывается частными положениями, дифференцируется. Если научная идея появляется в голове отдельного ученого, то творцом нравственно-нового выступает большая социальная группа, причем осуществляется это в рамках исторического времени, в большинстве случаев не сравнимого со временем жизни индивида. Удел отдельной, сколь угодно выдающейся личности — лишь вербализация и систематизация имеющейся или нарождающейся нравственной практики. Аккумулирующая функция макросреды, т. е. запись, накопление и хранение нравственной информации необходима, во-первых, из-за очевидной невозможности самостоятельной выработки каждым новым поколением всей совокупности моральных представлений, необходимых для нормального функционирования общества. Без аккумуляции отсутствовал бы нравственный прогресс. Во-вторых, социум должен обладать определенным набором ценностных ориентаций, который является необходимым сравнительным материалом для выработки личностью своего нравственного кредо. К примеру, принцип добросовестного отношения к труду в рамках социалистической морали реализуется под воздействием трех видов стимулов: сугубо творческого, морального (общественная необходимость данного вида деятельности) и материального.

На каждом новом этапе развития морали становящиеся нравственные представления существенно влияют на предшествующие, изменяя их статус и функционирование в культуре. Один и тот же нравственный императив звучит различно в разном культурном контексте. Буржуазный индивидуализм, несомненно отрицательная характеристика современного ка-

питализма, в эпоху своего зарождения выступал как катализатор личной активности, ломающей косную феодальную регламентацию деловой предприимчивости. Коммунистическая мораль вбирает в себя лучшие достижения предшествовавших этапов морального прогресса, которые теперь вплетаются в общую логику основного принципа — преданности делу коммунизма.

Хранящийся в антагонистических обществах запас моральных идей отнюдь не представляет собой единую конструкцию. Наоборот, он скорее напоминает своего рода «архитектурную эклектику». Применительно к капитализму Ф. Энгельс писал, что «каждый из трех классов современного общества: феодальная аристократия, буржуазия и пролетарит имеет свою особую мораль»⁵. Но даже внутри одной моральной системы противоречия — часто встречающееся явление. Особенно антиномичны нравственные догматы христианства, которые, объявляя человека изначально слабым, предъявляют к нему жесткие нравственные требования; декларируя предопределенный жизненный путь человека, считают его абсолютно свободным в поступках и ответственным за них и т. д.⁶ Социализм тоже пока не дает совершенно монолитной, распространяющейся на всех граждан нравственности. Все функционирующие на этом этапе коммунистической формации нормы морали можно подразделить на три группы: 1) нормы бесклассового коммунистического общества; 2) нормы социалистической нравственности; 3) нормы, заимствованные из старой морали эксплуататорского общества⁷.

Сумма имеющихся в обществе научных знаний представляет собой так называемую «картину мира», характеризующуюся непротиворечивостью составляющих ее элементов. Даже такие, на первый взгляд взаимоисключающие теории, как геометрия Эвклида и геометрии Лобачевского или Римана сочетаются между собой — эвклидова геометрия является предельным случаем геометрий неэвклидовых. Мораль более разнолика: оптимизм и пессимизм, культ наслаждения и суровый аскетизм, гедонизм и непреклонный ригоризм, приземленный прагматизм и романтические устремления соседствуют друг с другом в состоянии напряженного противостояния. Господствующая в обществе моральная система «затеняет», сковывает действенность других систем, однако они не исчезают полностью, служа порой теоретическим аргументом ее противникам. Если модель геоцентрической Вселенной выглядит в наше время явным анахронизмом, интересным лишь историкам науки, то, например, накопительство, это наследие капиталистического прошлого, ныне проблема отнюдь не абстрактно-теоретическая. Наука сравнительно быстро очищается от ложных гипотез и концепций, в морали — однажды выплеснувшаяся на поверхность грязная пена антигуманных теорий еще долго мутит поток нравственного прогресса.

Для обеспечения реального функционирования выработанных и хранящихся в макросреде моральных императивов их необходимо передать в микросреду и, далее, на уровень личности. В этом заключается транслирующая функция макросреды. Исторически первым способом трансляции нравственной информации являлись инициации — система обычаев родового общества для перевода юношей и девушек в возрастной разряд мужчин и женщин. Подготовительный этап инициации — непосредственно вплетенные в практику совместные действия молодежи и взрослых по овладению трудовыми, охотничьими и другими навыками с одновременным усвоением моральных представлений о взаимовыручке, половозрастных различиях, правилах справедливого дележа добычи и т. д.

Современные общества располагают мощным инструментом реализации транслирующей функции — средствами массовой информации (СМИ). С их появлением резко возросла трансляционная способность социума, пространственно отдаленные события входят в личностный опыт. Мораль как специфическая форма общественного сознания, которая проникает во все другие формы, не транслируется по какому-либо одному каналу, т. е. поступает не только «упакованной» в специальные рубрики, передачи, программы, она рассеяна практически по всему полю СМИ.

Другой специфической характеристикой нравственной информации является то, что ее глубокое усвоение не есть чисто духовный акт. Указанные два способа ее передачи — современные массовые коммуникации и древние инициации, — находясь на отдаленных полюсах исторического развития человечества, логически дополняют друг друга. Если первый

(СМИ) выражает чисто коммуникативный, пассивно-информационный аспект процесса трансляции (сократовское тождество «добро = знание добра»), то второй (инициации) — аспект практически-активный.

Все социально-значимые инновации, появляющиеся в обществе, могут передвигаться по информационным каналам в направлениях: восходящем (личность — микросреда — социум) и нисходящем (обратное движение). Сравнивая по признаку направления движения интеллектуальную (научную) и моральную инновации, можно заметить, что чаще всего их прохождение по указанной цепочке имеет противоположный вектор. В первом случае мы имеем путь: от творца (научное открытие, изобретение) — к микрогруппе (проверка узким кругом коллег-специалистов) — повсеместное внедрение. В сфере морали новый императив появляется одновременно во многих точках социального пространства и, утверждаясь, затем уже опускается до каждой отдельной личности.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

² Титаренко И. И. Структуры нравственного сознания. — М., 1974, с. 232—233.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 95.

⁴ Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. — М., 1977, с. 48.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 95.

⁶ См.: Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. — М., 1978, с. 32.

⁷ См.: Социалистическая культура и личность: Сборник обзоров. — М., 1980, с. 184.

И. М. МОРОЗОВ

ПУТИ И СРЕДСТВА АКТИВИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ НА СЕМИНАРСКОМ ЗАНЯТИИ

Семинарские занятия включают в себя два этапа: подготовку и проведение. Подготовка к семинарам, как одному из видов вузовской учебной деятельности, начинается задолго до их проведения. Этот вид деятельности преподавателя включает в себя, по крайней мере, два момента: анализ итогов семинарских занятий, проведенных в предыдущих семестрах, и предварительное знакомство с группами, в которых предстоит вести семинары.

Анализ итогов семинарских занятий означает прежде всего изучение результатов последней экзаменационной сессии, их сравнение с результатами предыдущих сессий. Действенность такого анализа в значительной мере зависит от уровня контакта между лектором и руководителем семинаров. Подводя итоги сессии, лектор и руководитель семинаров обсуждают выявившиеся на экзаменах пробелы в знаниях студентов, намечают конкретные пути их устранения, критически оценивают формы и методы, приемы и средства, использовавшиеся на семинарах, знакомят друг друга с новой литературой, методическими и техническими новинками по проведению семинаров. Согласованные действия лектора и руководителя семинаров в учебном процессе способствуют росту активности студентов. Практика показывает, что активность студентов значительно повышается, если руководитель семинаров и лектор — одно и то же лицо.

Предварительному знакомству способствуют беседы с кураторами групп, членами факультетских учебно-методических комиссий, преподавателями общественных дисциплин, работавших или работающих в интересующих руководителя семинаров группах. В процессе таких бесед следует попытаться выяснить уровень общего развития студентов, мотивацию их учебы, сложившиеся в группах традиции и обычаи, характер внутригрупповых связей, получить представление об официальных и неофициальных лидерах групп.

Однако никакое заочное знакомство не может заменить непосредственного, личного контакта преподавателя и группы. И в этом плане чрезвычайно важной является первая встреча преподавателя с группой. На этой встрече преподаватель дает методические советы и установки по изучению предмета, в частности, рассказывает студентам о месте и роли семинарских занятий в учебном процессе; о видах семинаров, об особенностях работы над предметом, о методике конспектирования первоисточников; о требованиях, предъявляемых к студентам на семинаре: о принципах оценки студенческого труда в процессе занятий; раскрывает содержание понятий «доклад», «исходное выступление», «реферативный доклад»,

«выступление на семинаре» и др. Главное в этих советах — показать студентам, как они должны работать, к чему стремиться при изучении предмета.

Психологическая атмосфера на первом занятии должна быть особой, позволяющей максимально приблизить преподавателя к студентам. Создание такой атмосферы определяется личностью преподавателя, его открытостью, простотой, скромностью, доброжелательностью. Надо сразу дать студентам почувствовать, что к ним пришел не «ревизор», а их старший товарищ, требовательный и принципиальный, но вместе с тем проникнутый к ним уважением и доверием. Преподавателю следует представиться самому, а затем попросить сделать это студентов. И вот здесь, в процессе знакомства со студентами, можно очень многое узнать о каждом из них и о группе в целом. Последнее достигается непринужденностью беседы по интересующим студентов вопросам, которые могут быть и в стороне от круга проблем учебного предмета и методики его преподавания. Такая беседа даже при ее кажущейся неорганизованности дает положительные результаты, так как позволяет вызвать студентов на открытый разговор.

Успех семинара зависит от уровня подготовки к нему как со стороны студентов, так и со стороны преподавателя. Приступая к очередному семинару, преподавателю необходимо провести значительную подготовительную работу: освежить в памяти теоретический материал, относящийся к теме занятий; продумать развернутый проспект плана занятий; просмотреть рекомендуемые студентам первоисточники и т. п. Многие преподаватели по каждой теме занятий из года в год накапливают материал (хорошо продуманные, четко сформулированные вопросы по теме семинара, а также вопросы для развертывания дискуссии; факты и примеры, взятые из уже имеющегося личного опыта студентов, полученных ими знаний по другим предметам, особенно профилирующим; относящиеся к теме факты и примеры, взятые из произведений искусства; дополнительная литература, которую можно порекомендовать студентам, если их познавательные интересы выйдут за рамки программного материала и т. п.), анализ которого перед семинарским занятием усиливает теоретическую и методическую подготовленность преподавателя, позволяет расширить арсенал приемов и средств активизации деятельности студентов.

Однако хорошая подготовка к семинару со стороны преподавателя и студентов является необходимым, но не достаточным условием для его успешного проведения. Важно уметь провести занятие. Последнее зависит не только от теоретической и методической подготовленности преподавателя, но и от его организационных способностей. В проведении семинарских занятий нет мелочей, каждый свой шаг преподаватель должен тщательно взвешивать. С чего, например, следует начинать каждое занятие? В этом вопросе мы солидаризуемся с теми авторами, которые считают, что «начинать следует с организационного момента: определения отсутствующих на семинаре»¹. Этот организационный момент не только стимулирует посещаемость, но и позволяет запомнить студентов в лицо и по фамилии, что благотворно сказывается на эффективности учебно-методической и идейно-воспитательной деятельности преподавателя.

Следующим шагом преподавателя на семинаре должно быть, по нашему мнению, выяснение не подготовившихся (со слов студентов) к занятию. Это нужно делать главным образом для того, чтобы повысить ответственность студентов за самостоятельную работу над предметом. Практика показывает, что публично, перед группой о своей неподготовленности к занятию студент может заявить один-два раза. В данном случае срабатывает чувство собственного достоинства, и это человеческое чувство, как и ряд других, следует использовать для повышения учебной активности студентов.

Некоторые преподаватели считают, что до вступительного слова следует выслушать вопросы студентов, которые возникли у них в процессе самостоятельной работы над темой, и ответить на эти вопросы. Думается, что этот методический прием не оправдывает себя. Вопросы, относящиеся к теме занятий, должны выясняться в процессе занятий. Это, во-первых. Во-вторых, нередко студенты задают такие вопросы, которые весьма косвенным образом относятся к теме занятий. А отклонение от запланированной темы в начале занятий, пусть даже самое незначительное, отрицательно сказывается на деловом настроении студентов. Отклонения

от темы возможны и даже необходимы, но только не раньше, чем наступит первый порог утомления. Когда же студенты психологически настроены на обсуждение вопроса темы, сконцентрировали свое внимание на проблеме, их отвлекать нельзя.

Вступительное слово преподавателя—это, как нам представляется, не во всех случаях оправданный методический прием. Его необходимость усматривают в том, что посредством краткого вступления преподаватель определяет актуальность темы и узловые проблемы ее. Но возможно ли за 2—3 минуты, которые отводятся на вступительное слово, качественно выполнить намеченную задачу? Думается, что нет. Это, во-первых. Во-вторых, добросовестно готовившийся к семинару студент идет на занятие с определенной системой знаний по проблеме. Своим вступительным словом преподаватель может нарушить целостность этой, пусть даже в некоторых аспектах и не совсем правильной, системы, что приведет к колебаниям, нерешительности студента и, таким образом, отрицательно скажется на его активности. В-третьих, как отмечает, например, В. И. Разин, «первой заповедью руководителя семинара должно быть стремление сохранить эту форму обучения как таковую, не превращать ее в лекцию, поменьше говорить самому»².

Деятельность преподавателя на семинаре образно можно сравнить с деятельностью дирижера во время репетиции оркестра. Преподаватель призван руководить (управлять) семинаром и только в необходимых случаях вмешиваться, чтобы исправить неточность формулировки, ошибку (фальшивую ноту) в суждениях, не оставляя без внимания и предотвращения в нужный момент чуждые марксизму-ленинизму положения и взгляды.

Сказанное не означает, что вступительное слово на семинаре не нужно. Его использование зависит от конкретных условий занятий. Но если без него можно обойтись, то, по нашему мнению, это не скажется отрицательно на активности студентов и эффективности занятия.

На активность студентов на семинаре оказывает влияние форма основного выступления, которое может представлять собой исходное выступление, доклад, реферативный доклад, пресс-конференцию. Конечно, иногда весь семинар проходит, например, в виде докладов. Но, как правило, форма основного выступления студентов на одном и том же занятии бывает различной, потому что она зависит от весьма разнообразных факторов. После основного выступления дальнейшее обсуждение планового вопроса принимает, как правило, форму развернутой беседы. Представляется, что правильно поступают те преподаватели, которые при определении формы основного выступления учитывают мнение студентов, но последнее слово оставляют за собой.

Форма основного выступления по тому или иному пункту плана зависит также от его освещенности в учебной литературе. Так, по дискуссионному и слабо освещенному в учебной литературе вопросу в качестве основного выступления лучше всего подходит доклад, подготовленный одним из лучших студентов группы. При дефиците времени основное выступление может проходить в виде пресс-конференции. Поэтому, планируя форму обсуждения вопросов плана, следует учитывать, что в процессе занятия она может подвергнуться существенной корректировке. Далее, в целях активизации деятельности студентов следует чередовать различные формы обсуждения плановых вопросов, используя преимущества каждой из них. Наконец, наблюдая за расширением и углублением знаний студентов, следует постепенно и настойчиво усложнять и разнообразить формы обсуждения вопросов. Например, в начале семинарского курса, когда студенты еще слабо владеют понятийным аппаратом, лучшей формой занятий, во всяком случае в слабых группах, является вопросно-ответная. Более сложной формой занятий является пресс-конференция. Самым трудным, но вместе с тем самым почетным для студента является руководство им самим обсуждением вопроса, по которому он изъявил желание выступить. Такая форма обсуждения применяется не часто. Целесообразность ее применения диктуется необходимостью активизации участия в семинарских занятиях особенно сильных студентов.

Активность студентов на семинаре зависит и от методически правильного распределения времени. Зная, что требуется не просто изложить материал, но и уложиться в отведенное время, студент из всего материала будет отбирать самое существенное. Активность на семинаре зависит

и от того, в какой мере преподаватель разрешает студентам пользоваться на занятии конспектами и литературой. В связи с этим надо указать студентам, что из рекомендованной литературы следует законспектировать лишь те положения из первоисточников, которые непосредственно относятся к теме занятий; что ценность конспекта определяется не его объемом, а содержанием; что конспектом первоисточников не только можно, но и нужно пользоваться на семинаре; что качество выступлений, замечаний, дополнений значительно повышается, если они содержат положения из произведений классиков марксизма, партийных документов, работ видных деятелей коммунистической партии и советского государства. Такое разъяснение, а также его практическая реализация благотворно сказываются на повышении учебной активности студентов.

Эффективность конспектирования зависит и от объема рекомендуемой литературы. В работах по методике преподавания общественных наук в высшей школе отмечается, что недельный объем всей литературы, рекомендуемой студентам для изучения, не должен превышать 40—50 страниц. Именно всей, а не только для конспектирования, так как к одному семинару студент может готовиться в среднем 3—4 часа. За это время ему надо: прочесть по конспектам, учебным пособиям и первоисточникам материал по теме занятий и осмыслить его; законспектировать первоисточники; подготовить выступление хотя бы по одному пункту плана занятий, что предполагает написание если не текста, то плана выступления. Можно ли качественно выполнить такой объем работы за 3—4 часа? Думается, что нет. Поэтому преподаватель должен предъявлять разумные, с учетом возможностей студентов, требования к конспектированию первоисточников. Учитывая большую загруженность добросовестных, систематически работающих студентов (а таких большинство), для конспектирования надо рекомендовать только то, что действительно необходимо. Правильно, на наш взгляд, поступают те преподаватели, которые рекомендуют для конспектирования отдельные разделы и даже страницы соответствующих источников. А отсюда вытекает следующее методическое требование: нужно планировать время на разъяснение очередного задания. Разъясняя его, преподаватель дает рекомендации по изучению литературы, указывает, что следует законспектировать.

Пути, приемы, способы и средства, направленные на повышение активности студентов на семинарских занятиях, весьма разнообразны. Их использование обуславливается конкретными условиями, возникающими на занятиях. Решающее влияние на учебную активность студентов оказывает преподаватель во всем многообразии его идейно-политических, деловых, моральных и психологических качеств. От его действий в конечном итоге зависит и подготовленность студентов, которая является необходимой предпосылкой эффективности и качества семинарских занятий. Повышая учебную активность на семинарах, преподаватель тем самым способствует формированию активной жизненной позиции студентов, завтрашних организаторов науки и производства, воспитателей и наставников трудящихся.

¹ Методика преподавания общественных наук в высшей школе.— М., 1975, с. 164.

² Разин В. И. Общая методика преподавания философии в вузах.— М., 1977, с. 95.

А. А. ЛЕВШЕВИЧ, А. Т. ПАВЛОВА

ОПАСНОСТЬ ЛЕВОГО ЭКСТРЕМИЗМА ДЛЯ МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ИТАЛИИ

В современной Италии на новом этапе революционного движения в антимонархическую, антиимпериалистическую, антифашистскую борьбу все шире включается молодежь. Однако большая часть итальянской молодежи еще не понимает закономерностей революционного процесса, методов революционной борьбы, а потому многие молодые люди нередко становятся объектом противоборства основных политических сил. Помимо Итальянской федерации коммунистической молодежи, в стране действуют молодежные организации демохристиан, социалистов, либералов и республиканцев. Часть молодежи находится под влиянием правой партии неонацистского толка — «Итальянское социальное движение». Серь-

езную опасность для молодежного движения представляет левый экстремизм. К сожалению, проблемы левого экстремизма, его влияния на итальянскую молодежь по существу не разработаны.

В 1968 году в Италии возникла тщательно законспирированная террористическая организация «Красные бригады». Если рядовые члены «Красных бригад» — это в большинстве молодые рабочие, бывшие крестьяне, в основном из южных провинций Италии, частично — учащаяся молодежь, то возглавляют их нередко буржуазные интеллигенты-неоанархисты. В отличие от пролетарской революционности, в основе которой лежит научный анализ обстановки, учет революционной энергии и инициативы широких народных масс, неоанархисты основывают свою стратегию и тактику на стихийности настроения масс, взрыве эмоций. Особенности социального состава «Красных бригад» во многом определили отсутствие у них научно обоснованных мировоззренческих, методологических принципов и социально-политических концепций. Они являются продолжателями идей анархизма, который претерпел у них известную эволюцию. В революционном процессе они считают наиболее важным его разрушительную сторону. Неоанархисты связывают революционные методы преобразования буржуазного общества с «революционной войной», которая преподносится ими как «высшая форма классовой борьбы», как наиболее яркое проявление революционного духа.

Лидеры «Красных бригад» поддерживают лозунг борьбы с бюрократией, ведут абстрактные разговоры об ускорении процесса отмирания государства. К народным массам они относятся элитарно, считая, что те должны принимать их методы и формы борьбы как единственно верные. Исходя из положения «о всеобщей репрессивности» в буржуазном обществе, руководители «Красных бригад» превращают насилие в самоцель, всемерно расширяя границы его применения. Поэтому убийство, похищение, шантаж становятся повседневными средствами их борьбы. «Красные бригады» враждебно относятся к социалистическим странам, заявляя, что в странах социализма происходит реставрация капиталистического строя.

Печальную известность снискала в Италии «Римская колонна», руководителем которой, как полагает полиция, состоял одно время бывший профессор криминалистики Дж. Сензани. На совести этой организации убийство работника юстиции Р. Пальма, нападение на казарму карабинеров «Таламо», покушение на министра юстиции В. Траверси, похищение судьи Дж. Д'Урсо, нападение на представителей буржуазных политических партий, убийства карабинеров. Активное участие «римские бригадисты» приняли в знаменитом «деле Моро». Лидер демохристианской партии Италии А. Моро понимал, что интересы итальянского народа требуют единства действий всех прогрессивных сил, был одним из инициаторов создания парламентского большинства с участием коммунистов. 16 марта 1978 года он был похищен террористами «Красных бригад». Весной 1982 года в Риме состоялся суд над 23 виновниками похищения и убийства Моро. Выяснилось, что «Красные бригады» в своих действиях руководствовались формулой о неспособности Итальянской коммунистической партии изменить политическую линию демохристиан, ибо ИКП не представляет собой движения масс¹. Следовательно, надо любой ценой помешать возможности сближения демохристиан и ИКП, ведь похищение произошло накануне голосования в парламенте о доверии правительству Андреотти, куда входили и коммунисты. Таким образом, в «деле Моро» «Красные бригады» выступили как пособники сил, враждебных социальному прогрессу.

Буржуазные средства массовой информации пытаются изобразить «Красные бригады» приверженцами марксизма-ленинизма. Так, туринская газета «Стампа» заявила, что В. И. Ленин никогда не осуждал терроризм, а французский журналист Ж. Ф. Ревель, проанализировав лексикон членов «Красных бригад», пришел к выводу, что их «идеология — марксистско-ленинская»². В. И. Ленин никогда не был сторонником индивидуального террора. Он отмечал, что «в качестве революционной тактики индивидуальные покушения нецелесообразны и вредны. Только массовое движение можно рассматривать как действительную политическую борьбу»³. Что касается «марксистско-ленинской лексики» «бригадистов», то надо видеть за их словами конкретные дела, которые свидетельствуют о том, что от революционности у них осталась только звонкая псевдореволюционная фразеология. Несостоятельны также попытки буржуазных

идеологов с помощью различных фальшивок и подтасовок утвердить в общественном сознании идею о тесной связи террористов из «Красных бригад» со странами социализма, которые якобы руководят их деятельностью. Для современной политической ситуации в Италии является характерным сближение «правых» и «левых» ультра. «Левые» экстремисты действуют рука об руку с наиболее реакционными силами. «Красные» группировки заботливо поддерживаются тщательно замаскированными «черными» или даже «белыми» деньгами, пишет итальянский политолог Д. Корканига⁴. Если раньше «левые» на правый террор отвечали своим террором против представителей реакционных группировок, то в современных условиях «левые» и «правые» экстремисты пытаются найти точки соприкосновения, видя общих врагов в лице государства, компартии, профсоюзов. Итальянскими властями был перехвачен циркуляр руководства «Красных бригад» рядовым членам, в котором содержится приказ развернуть против ИКП «боевые действия». Многие буржуазные исследователи отмечают легкость, с какой совершаются переходы из ультраправых в ультралевые и наоборот. Подобные случаи не являются чем-то необычным. «Неустойчивость такой революционности, — писал В. И. Ленин, — бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже «в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением, — все это общеизвестно»⁵.

«Красные бригады» приветствовали контрреволюционные события в Польше в 1980—1981 годах. В состав делегации Итальянского Союза Труда, присутствовавшего на съезде «Солидарности» в Гданьске входили Луиджи и Паоло Скричолло, представители международного отдела труда ИСТ. Это был их не первый визит в Польшу. Они систематически проводили «переговоры» с представителями руководства «Солидарности». С момента введения в Польше военного положения Луиджи и Паоло Скричолло были активными организаторами различных акций в Италии, проходивших под лозунгом солидарности с «Солидарностью» и отличавшихся яркой ненавистью к социалистической Польше. Итальянская полиция их арестовала по обвинению в принадлежности к «Красным бригадам». «Левым» итальянским террористам, имеющим большой опыт по части убийств, поджогов, похищений, очевидно, было, что рассказать своим польским «коллегам» Модзелевскому и Куроню, которые заботливо опекали экстремистов правого толка из КОС-КОР.

Буржуазные идеологи поощряют деятельность «ультралевых» как довольно эффективное средство распыления молодежи в мелких и невлиятельных организациях, чтобы ослабить притягательность коммунистических идей. Каковы же причины, благоприятствующие распространению левого экстремизма в Италии? Крайне тяжелое положение трудящейся молодежи: изматывающий темп работы, отсутствие гарантий безопасности труда при высокой его интенсивности, бесправное положение. Стремясь скорее включить молодого человека в производственный процесс, предприниматели заставляют его работать наравне со взрослыми, а оплачивают труд по ученическим тарифам. Все это вызывает у молодых рабочих различные формы протеста, в том числе и стихийные. Распространению левого экстремизма способствует и то, что его реакционные лидеры ориентируются на пассивную, отсталую часть рабочего класса. Они обращаются к тем, у кого капитализм вызывает протест, кто готов к активному действию, но не освободился еще от антикоммунистических предубеждений буржуазного окружения. Спекулируя на недостаточной сознательности этих социальных слоев, левые экстремисты пытаются направить их стихийное недовольство на авантюристический путь борьбы против капитализма. Росту экстремизма благоприятствуют также попытки правительства насадить с помощью частных реформ иллюзию, будто бы все, к чему стремятся трудящиеся, можно достичь без революционного преобразования, в условиях буржуазного общества. На основе искаженных выводов из достижений научно-технической революции буржуазные идеологи пытаются создать хотя бы по видимости позитивную картину развития общества в рамках капитализма. Широко рекламируя реформы, буржуазное общество вместе с тем отказывается от них тотчас, как только они становятся опасными для капиталистического строя, как только ослабевает «запас прочности» власти буржуазии. Укреплению экстремизма содействуют и те буржуазные «реидеологизаторы», которые призывают к дискредитации всякой социальной мысли, прославляя экстремизм и антиком-

мунизм. Главная задача их — не допустить приобщения молодежи к пролетарской идеологии. С этой целью они сознательно извращают марксистско-ленинское учение. Выступая под фальшивым знаменем «свободы», «демократии», они приходят на деле к фашистскому произволу, попирающему самые элементарные права человека. Развитию левого экстремизма способствуют и активно действующие левацкие идеологи, стремящиеся распространить среди молодежи свои теоретические вымыслы, связанные с ревизией коренных положений марксизма-ленинизма в левацко-догматическом и националистическом духе. Прикрываясь ультрареволюционной фразой, они толкают молодежь на авантюристические действия. На росте экстремизма сказываются и серьезные ошибки, которые допускают в своей работе руководители Итальянской коммунистической партии.

В условиях сложной современной идеологической борьбы, когда враги мира и социализма переходят в наступление, необходимо усиление работы коммунистов среди молодежи, чтобы помочь ей преодолеть «надклассовые» иллюзии и аполитичность, оформить стихийный протест в революционное движение. Ведь ни «Красные бригады», ни им подобные группировки не могут предложить молодежи действенную программу демократических и социальных преобразований Италии. Только Итальянская коммунистическая партия и Итальянская федерация коммунистической молодежи способны вести подлинную борьбу за права трудящейся молодежи, за социализм. Итальянская коммунистическая партия разработала эффективную тактику преодоления влияния левых экстремистов. Однако активно формировать сознание молодежи она сможет лишь при условии, если ее руководство признает ошибочность некоторых своих позиций, учтет критические замечания в свой адрес КПСС и других братских коммунистических партий и мобилизует все силы на борьбу за мир, демократию и социализм, против империализма, левого и правого экстремизма, клерикальной реакции. Только в этом случае разработанная ИКП тактика борьбы с левачеством в молодежной среде будет успешно претворяться в жизнь.

¹ См.: L'Unita, 1982, 4 maggio, p. 5.

² См.: Известия, 1978, 6 июня.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 312.

⁴ См.: Бельсон Я. М., Гулиев В. Е., Лисневский Э. В. За фасадом власти монополий. — М., 1981, с. 210.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 14—15.

Е. Н. БУРАК

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИРРАЦИОНАЛИЗМ Л. ШЕСТОВА

В идеалистической русской философии начала XX века иррационалистическая доктрина Льва Шестова занимает особое место. В ней отразилась не только теоретическая несостоятельность попыток разрешения основных проблем объективного и субъективного бытия в рамках метафизического мышления, но также реакционность и антигуманность иррационализма. Противопоставив пролетарскому мировоззрению иррационализм как принцип отношения к действительности, буржуазные философы стремились дискредитировать научное знание, рационалистические формы и методы познания, которые служили теоретической базой марксизма. Гносеологический иррационализм Шестова выступает как крайнее выражение этого стремления. Не случайно и в современных антимарксистских философских и религиозных доктринах широко используются идеи Льва Шестова. Его гносеологический иррационализм основывается на метафизическом понимании соотношения объективного и субъективного в процессе освоения мира человеком. Для него объективный мир представляется как конгломерат случайных, лишенных единства, имеющих свою сугубо индивидуальную судьбу явлений, предметов, возникающих непостижимым, сверхъестественным образом и существующих произвольно, вне сущностной связи и зависимости от других предметов и явлений. «Ведь в сущности, — писал Шестов, — все в этом мире подсунуто нам божеством»¹. Такое онтологическое основание сформировалось под влиянием затруднений, испытываемых современной ему наукой в объяснении явлений природы, сущности их возникновения и принципов развития. «Но известный,

т. е. привычный мир, — читаем мы у Шестова, — в достаточной мере непонятен, так что добросовестность требует признать непонятность основным предикатом бытия» (6, 40). С другой стороны, Шестов не мог не признать, что естественно-научное объяснение мира, вытекающее из признания существования в природе необходимых причинно-следственных связей не только оправдывает себя в практической деятельности людей, но и служит единственной их опорой во взаимоотношениях с миром объектов. Вот почему Шестов попытался найти решение данного, как ему казалось, противоречия, углубившись в изучение принципов познавательной деятельности. Изучив произведение всех крупных гносеологов своего времени (а он достаточно хорошо ориентировался в истории мировой философии), Шестов пришел к выводу, что все современные гносеологии так или иначе восходят к теориям Канта или Гегеля. Этот вывод обусловил его пристальное внимание к творчеству великих немецких философов, особенно Канта.

Изучение работ кенигсбергского мыслителя и его идейного предшественника Юма, оказало решающее влияние на философское мировоззрение Шестова. Следуя аргументам Канта и Юма, он уяснил для себя, каким образом у людей возникает представление о единстве мира, наличии в нем причинной необходимости, т. е. того, что составляет неперменное условие научного познания. «Наш разум в союзе с всепобеждающей привычкой придал, при помощи некоторых натяжек, совокупности явлений в пределах доступного нам отрезка вселенской жизни некий вид гармонии и единства и с этих незапамятных времен слывет под именем понятного объяснения мироздания» (6, 40). Дальнейшее изучение работ Канта привело Шестова к отрицанию объективного содержания научного знания. «Все те наши суждения, — писал он, — которые имеют характер всеобщности и необходимости приобретают таковой только в силу нашей душевной организации» (5, 180). Таким образом, то, что для Канта и его последователей явилось оправданием науки и ее объективного содержания, стало для Шестова несомненным доказательством субъективности, а значит и ложности суждений, которыми оперирует научное знание.

Понятия причинности, детерминизма, необходимости, субстанции, закономерности, по мнению Шестова, появляются у человека не в результате отражения человеческим сознанием объективных процессов, происходящих в природе и обществе, а в результате конструирующей способности сознания создавать синтетические суждения. И эта способность уже в силу того, что она создает возможность иллюзорного представления о внешнем мире, является балластом человеческого мышления, от которого необходимо избавиться, если задача человека познать объективную реальность, абсолютную истину. Способность человеческого сознания конструировать синтетические суждения Шестов называет разумом (иногда рассудком, ибо, в отличие от Канта, он не различал понятий «разум» и «рассудок»). Последний, по его мнению, несет ответственность за все заблуждения человечества, более того, за состояние сна, в которое человечество ввергнуто разумом, не имея возможности проснуться к истинной жизни, к истинному постижению действительности. «Подлый разум вопреки нашему желанию подсовывает нам мнимые истины, от которых мы не можем отделаться даже тогда, когда замечаем их призрачность» (4, 91). Исходя из этого, философ приходит к метафизическому разрыву единого процесса человеческого познания, отказав рациональной ступени в праве на истинное отражение действительности. С этих позиций он разворачивает критику научного и в целом рационального познания, используя аргументацию, которой пользовались скептики различных эпох, сенсуалисты и другие противники рационализма. Эту сторону его философии высоко оценил В. Зеньковский, утверждая, что Шестов серьезно дискредитировал научное знание и расчистил путь для фидеизма².

Критика Шестовым науки и рационального метода познания снискала ему славу крайнего скептика и даже нигилиста. Однако его скепсис и нигилизм были обращены против научного рационального познания, а не против знания вообще. Можно согласиться с мнением Н. Лосского, что «крайний скептицизм, проявленный Шестовым в его работах, с самого начала имеет свой источник в идеале неосуществимого сверхлогического абсолютного знания»³. Метафизическая и классовая ограниченность, выразившаяся в неспособности Шестова проследить диалектику соотношений необходимости и случайности, общего и единичного, причины и следствия,

сущности и явления, субъекта и объекта, относительной и абсолютной истины, чувственной и рациональной ступеней познания, воздвигла перед ним непреодолимую преграду в понимании сущности познавательного процесса. Как это часто случалось с метафизически мыслящими учеными, Шестов, абсолютизовав одну из противоположностей, пришел к ложным в своей основе выводам. Так, абсолютизовав случайность, он отказал необходимости в праве на объективное существование; абсолютизация единичного, индивидуального исключила из сферы объективного знания общее; наконец, истина, по его мнению, должна быть исчерпывающим, абсолютным знанием. Относительные истины, считал Шестов, суть заблуждения, хотя в практической жизни они и приносят известную пользу.

Таким образом, Шестов метафизически противопоставляет истинное знание и пользу: «наука полезна, спору нет, но истин у нее нет и никогда не будет. Она даже не может знать, что такое истина и накапливает лишь общеобязательные суждения» (4, 215). Как видно из этого заявления, философ не считает общеобязательные или аподиктические суждения истинами, вместе с тем, не отрицая полезности науки, он отказывает ей в истинности. Однако, в отличие от скептиков, Шестов сохраняет уверенность, что «знать, мыслить — основная природная потребность человека, сущность его жизни»⁴. И эта потребность, по его мнению, должна реализоваться в поисках и в конечном счете в нахождении ответов на «последние вопросы бытия», в достижении абсолютной истины. «Ведь из того, что до сих пор истина не открыта, никак не следует, что ее никогда не откроют. И тем менее, что истины совсем нет» (5, 119).

Шестов считает, что абсолютная истина бытия заключена в его неограниченной свободе, алогичности, абсурдности, с точки зрения здравого смысла. В реальном мире, по его мнению, нет причинности, необходимости, единства, в нем царит вечный беспредельный произвол. «Только одно утверждение имеет объективное значение (по Шестову, истинное — Б. Е.): в мире нет ничего невозможного» (4, 226). Наш разум произвольно ограничил «безумную пляску бытия» и поэтому для постижения истины мы должны отказаться от руководства разума и принять на вооружение иррационалистические методы и формы постижения истины. Однако освободиться от очевидности, сконструированной разумом, можно будет лишь тогда, когда перед лицом страданий и самой смерти человек уже не сможет опираться на истины, добываемые разумными средствами, когда эти истины станут тяжелым бременем в жизни человека, лишаящим его последней надежды на лучшую участь. «Истины, приносимые знанием, преодолеваются человеческими страданиями»⁵. Когда страдания человека становятся непомерными, когда у человека не остается никаких надежд на «спасение» разумными средствами, когда научные, умозрительные истины констатируют безнадежное для человека положение, тогда и только тогда, считает Шестов, «...в отчаянии, ужасах человеческая мысль перерождается и обретает новые силы, подводящие ее к несуществующим для других людей источникам истины»⁶. Шестов имеет в виду откровение, приходящее к человеку в моменты высшего телесного или душевного страдания.

Освободившись от «наваждения» разума, прозревший человек, по мнению Шестова, соприкоснется с истиной бытия непосредственно. Его знание никем и ничем не опосредовано, оно откровенно и приходит как вспышка, как озарение. Одного такого мгновения хватает человеку, чтобы постичь высшую истину бытия, постичь свою свободу и обрести надежду и силы в борьбе с превратностями судьбы. Знание, полученное путем откровения, Шестов считает более ценным, чем знание, добытое в результате разумного освоения человеком действительности. В целом гносеологический иррационализм Шестова — это борьба за реализацию неограниченных возможностей человека, за абсолютную свободу, под которой Шестов понимает неограниченный произвол, против детерминированной необходимости.

И все же Шестов понимал, что в борьбе против слепых сил природы человек использует свои знания, т. е. объективные истины. «В области эмпирической (т. е. в области взаимодействия человека с природой — Б. Е.) как это не обидно, есть истины самые настоящие, общеобязательные истины, с которыми не справится никакой бунт» (4, 198). Эти истины приобретаются человеком не в результате логического размышления и рационального познания, а через посредство прямого контакта с приро-

дой, которая сама нивелирует поступки человека по отношению к ней. Эти истины не доказываются: «...ученый свободен от обязанности доказывать, за него доказывает природа — и как доказывает! — совершенно без помощи логики и морали... Логика и мораль она предоставила Гегелю и Спинозе, а себе в руки взяла дубину» (4, 198). Поэтому в «эмпирической области» человек, по мнению Шестова, обязан слушаться не велений разума, а, подобно животным, велений инстинкта. Руководствуясь инстинктом, мы в конце концов сумеем успешно взаимодействовать с природой, не опасаясь заблуждений, которые неизбежны при рациональном освоении действительности. Такая позиция в отношении взаимодействия человека с природой, по меньшей мере, антигуманна. Шестов пошел на поводу у социал-дарвинистов. Естественный отбор крайне ошибочно переносить на область социального бытия как в плане социальных отношений, так и в плане взаимодействия человека с природой.

Гносеологический иррационализм Льва Шестова — довольно эклектичная противоречивая концепция, являющаяся одной из разновидностей многочисленных гносеологических ухищрений, направленных на дискредитацию гносеологии марксизма, ее естественно-научных и теоретических оснований. По форме эта концепция представляет собой «претенциозный костюм словесных вывертов, вымученные ухищрения силлогистики, утонченная схоластика». По содержанию — это конгломерат антидиалектических идей кантианства, позитивизма, экзистенциализма в современном его понимании. Наконец, «в общей обстановке борьбы идей и направлений современного общества, — писал В. И. Ленин в начале XX века, — **объективная** роль этих гносеологических ухищрений одна и только одна: расчищать дорогу идеализму и фидеизму, служить им верную службу»⁷.

¹ Шестов Л. Собр. соч. — Спб., 1912, т. 6, с. 31. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием (в скобках) тома и страницы.

² Зеньковский В. История русской философии. — Париж, 1950, т. 2, с. 328.

³ Lossky N. History of Russian philosophy. — New York, 1951, p. 326.

⁴ Шестов Л. На весах Иова. — Париж, 1929, с. 119.

⁵ Шестов Л. Умозрение и откровение. — Париж, 1964, с. 324.

⁶ Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия. — Париж, 1938, с. 24.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 341, 362.

Навуковы камунізм

Ф. С. ПРИХОДЬКО

РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОСНОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА КУБЕ

1 января 1984 года исполняется 25 лет со дня победы Кубинской революции. За этот сравнительно короткий исторический период народ Кубы добился впечатляющих успехов в социалистическом строительстве, развитии социалистической демократии.

Объективная потребность в постоянном развитии демократических основ социалистической государственности возникает с установлением диктатуры пролетариата. Мысль о том, что успешное построение социализма и коммунизма обуславливается уровнем творческой активности и политической сознательности трудящихся масс, является одним из основных тезисов научного коммунизма. «Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, — писал Ф. Энгельс, — массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба...»¹. В силу этого на Кубе и в других социалистических странах предпринимаются конкретные усилия по совершенствованию всех организационно-политических, социально-экономических и духовных предпосылок, обеспечивающих последовательное повышение активности граждан в фактическом осуществлении государственной власти. Строительство нового государства на Кубе пошло первоначально по пути создания невыборной революционной администрации, что было обусловлено, на наш взгляд, следующими факторами. Экономика Кубы из-за ее монокультурного характера и подчиненности американским монополиям в дореволюционный период не имела в себе достаточного объединяющего начала в виде экономических связей между различными регионами страны, отраслями производства — связей, порождаемых высоким уровнем развития производительных сил, объективными процессами разделения труда, специализации и кооперации. Функция связи, организации, объединения всех районов страны на первых порах осуществлялась административным аппаратом, назначаемым из центра. Сложная внутренняя и внешняя политическая обстановка также вынуждала революционное правительство делать значительный упор на централизацию государственного управления. В условиях непрекращающихся нападков империализма и внутренней контрреволюции республика нуждалась в сильном, оперативном и гибком государственном аппарате, который сосредоточивал законодательные и исполнительные функции в одном органе и быстро реагировал на постоянные изменения как внутри страны, так и на международной арене. Факт отсутствия на Кубе представительной демократии зачастую служил многим буржуазным авторам поводом для утверждения, что Кубинская революция несовместима с демократизмом.

Марксистско-ленинская оценка демократии предполагает классовый, конкретно-исторический подход. Полагать, что можно проводить революционные преобразования на научной основе, в соответствии с объективными потребностями и интересами пролетариата, выраженными в политике его партии, и одновременно при неограниченной по форме демократии сразу же после установления диктатуры пролетариата, когда отсутствуют объективные и субъективные факторы, а непролетарские массы еще социально разнородны, непоследовательны, могут колебаться в сторону воз-

врата к прошлому — принципиально ошибочно. Подчиненность демократических форм социалистическому содержанию является важным политическим принципом ленинизма, дающим возможность не только проводить научный курс в преобразованиях, но и правильно оценивать все политические формы в связи с конкретно-историческим развитием. «Революционная целесообразность выше формального демократизма», — подчеркивал В. И. Ленин².

Деятельность социалистического государства на Кубе по своему содержанию носила глубоко демократический, социалистический характер. Наряду с экономическими, культурными завоеваниями революция гарантировала народу широкие демократические права, установила равноправие между людьми, независимо от имущественного и социального положения, пола, цвета кожи. Поиски новых форм в области государственного строительства обуславливались усложнением задач социалистического строительства. К середине 70-х годов кубинское общество достигло такой стадии развития, когда неизбежный и необходимый период ломки старого и поисков новых форм постепенно начал переходить в фазу позитивного планомерного строительства. Возросший объем и сложность решаемых партий и народом задач общественного развития потребовали повышения роли трудящихся в управлении государством. К этому времени на Кубе сложились объективные условия и субъективные факторы перехода к более зрелым формам социалистической государственности.

Упрочилась социалистическая экономика. В ней безраздельно стали господствовать общественные формы собственности. С середины 70-х годов начала внедряться новая система управления и планирования экономики, ибо под влиянием таких динамичных факторов, как развитие производительных сил, рост уровня концентрации и обобществление промышленного и сельскохозяйственного производства, усложнение производственно-технических и экономических связей, прежняя система управления на новом этапе социалистического строительства вступала в противоречие с потребностями решения социально-экономических задач на основе повышения эффективности общественного производства. Важными моментами новой системы управления явилось предоставление предприятиям, местным органам власти значительно большей самостоятельности в принятии оперативно-хозяйственных решений. В тесной связи с экономическими укрепили и социальные факторы развития социалистической демократии, выражающиеся в изменении социальной структуры общества, консолидации рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, в постепенном устранении противоположностей между умственным и физическим трудом, городом и деревней, в выравнивании социальных различий в территориальном плане и т. д. Важным условием вовлечения трудящихся масс в управление государством является также социально-психологический фактор. «Во что бы то ни стало, — отмечал В. И. Ленин, — надо разбить старый, **нелепый**, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто вести организационным строительством социалистического общества могут только так называемые «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов»³.

Практическим участием трудящихся в социалистическом строительстве, последовательной идеологической, политико-воспитательной работой Компартии Кубы были развенчаны, внедряемые буржуазными, прежде всего американскими, идеологами лживые теории и предрассудки о неспособности кубинского народа к самостоятельному развитию, к осуществлению государственной власти. Особое значение в демократизации деятельности социалистического государства имел I съезд Компартии Кубы, определивший пути решения этой задачи. На основе постановлений съезда была вынесена на всенародное обсуждение, одобрена подавляющим большинством трудящихся и с 24 февраля 1976 года вступила в силу новая Конституция Республики Куба — первая социалистическая конституция в западном полушарии⁴.

Основной закон устанавливает, что все граждане имеют равные права и одинаковые обязанности. Дискриминация по мотивам расы, цвета кожи, пола и национального происхождения запрещена и карается законом (ст. 41 — 42). Женщина пользуется равными правами с мужчиной во всех сферах жизни (ст. 43). Наглядным свидетельством, демонстрацией действительности этого конституционного положения является тот факт, что в настоящее время женщины Кубы занимают достойное место в решении революционных задач. На долю женщин-депутатов Национальной Ассамблеи

приходится 113 депутатских мандатов, или 22,6 %⁵. Большое внимание в новой Конституции уделяется государственным органам республики, основным принципом формирования и деятельности которых посвящена отдельная глава. «Государственные органы, — говорится в ст. 66, — образуются, функционируют и развивают свою деятельность на основе принципов социалистической демократии, единства власти и демократического централизма...» В дальнейшем раскрывается содержание этих основополагающих принципов. Во-первых, все органы государственной власти, их исполнительные органы и все суды избираются и периодически обновляются. Во-вторых, народные массы осуществляют контроль за деятельностью государственных органов, депутатов, делегатов и должностных лиц. В-третьих, выборные лица должны отчитываться о своей деятельности перед избирателями, которые имеют право отозвать их, если они не оправдывают доверия. Во всех коллегиальных органах предусмотрены свобода дискуссий, критики и самокритики, подчинение меньшинства большинству.

Высшим органом государственной власти, представляющим суверенную волю кубинского народа и обладающим законодательными функциями, является Национальная Ассамблея. Функции, права и обязанности ассамблеи в основном соответствуют практике верховных законодательных органов других социалистических стран. Передача законодательных функций в руки высшего представительного органа народной власти, наделенного широким кругом полномочий, свидетельствует о дальнейшем развитии социалистической демократии в стране. Конституция определяет порядок формирования системы представительных органов, образующих основу социалистической государственности республики. Избирательная система строится на основе принципов свободного, равного и тайного голосования. Правом голоса пользуются все кубинские граждане, достигшие 16 лет. Пассивное избирательное право дифференцировано. В Национальную Ассамблею избираются граждане, достигшие 18 лет, а в местные выборные органы — 16 лет. Таким образом, возрастной ценз для активного и пассивного избирательного права в Республике Куба — самый низкий в мире. Особенностью избирательной системы является также то, что депутаты провинциальной и национальной ассамблей избираются муниципальными ассамблеями из своего состава путем тайного голосования. Конечно, косвенно выборы уменьшают возможность избирателей непосредственно влиять на состав каждого органа народной власти любого уровня. Вместе с тем такая система выборов существенно повышает роль и ответственность депутатов муниципальных ассамблей, ближе всего стоящих к избирателям, в формировании вышестоящих органов государственной власти, усиливает связь между органами власти различных уровней.

Избирательная система республики отражает современный этап политического развития страны. Она является реальным воплощением принципов социалистической демократии в сфере государственно-правовых отношений и полностью отвечает интересам всех трудящихся. Практика ее применения наглядно демонстрирует высокую политическую активность избирателей, их поддержку политики Компартии Кубы. Так, в выборах местных органов народной власти в октябре 1981 года приняли участие 97,2 % зарегистрированных избирателей, подавляющее большинство которых отдали свои голоса за кандидатов, выдвинутых на основе установленных положений собраниями жителей⁶. Успехи в развитии социалистической демократии особенно наглядны на фоне функционирования авторитарных режимов в Латинской Америке, для которых характерны узкая социальная база, милитаризация и бюрократизация государственного аппарата, наличие целой системы ограничений политической деятельности, системы подавления не только демократической, но и либерально-буржуазной оппозиции. В развитии демократических основ социалистического государства республика опиралась на богатый опыт, накопленный странами социалистического содружества в этой области.

II съезд Компартии Кубы отметил, что первые годы работы органов народной власти на территории всей страны показали их высокую эффективность и способность решать самые разнообразные вопросы⁷. Вместе с тем съезд указал на необходимость совершенствования работы всех звеньев органов народной власти. Эти вопросы были обсуждены в июле 1982 года на Второй сессии Национальной Ассамблеи народной власти Кубы второго созыва. Были приняты новые положения о Национальной Ассамблее и местных органах народной власти в соответствии с требованиями конституции и указаниями II съезда Компартии. Эти документы направле-

ны на дальнейшее совершенствование деятельности всех звеньев органов народной власти и депутатов. Большое внимание сессия уделила работе местных органов власти в решении хозяйственных, административных задач, в развитии просвещения⁸.

Таким образом, принятие социалистической конституции, проведение всеобщих выборов и создание на их основе органов народной власти, управления и правосудия свидетельствуют о том, что кубинский народ практически приступил к созданию зрелой формы социалистической государственности.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 544.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 246.

³ Там же, т. 35, с. 198.

⁴ См.: Республика Куба: Конституция и законодательные акты.— М., 1980.

⁵ См.: Granma, 1981, 30 de noviembre.

⁶ См.: Bohemia, 1981, № 42, p. 48.

⁷ См.: II съезд Коммунистической партии Кубы.— М., 1982, с. 44—45.

⁸ См.: Granma, 1982, 3, 4 de julio.

Н. М. ДРОЗД

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ

Проблемы социалистического соревнования на всех этапах коммунистического строительства в нашей стране вызывали особый интерес экономистов, философов, историков, психологов, социологов и других исследователей. Теоретический анализ его сущности и функций получил свое дальнейшее развитие на этапе реального социализма.

В определении сущности социалистического соревнования можно выделить несколько концепций. Во-первых, социалистическое соревнование рассматривается в общем плане как социально-философская, экономическая категория, которая выражает общественные отношения товарищеского сотрудничества, взаимопомощи, состязательности и соперничества. Данная точка зрения выражена в трудах Чангли И. И., Губанова И. И., Войкова М. И.¹

Во-вторых, отношения социалистического соревнования рассматриваются как составная часть социалистических производственных отношений. Причем многие экономисты характеризуют социалистическое соревнование как политэкономическую категорию или специфический экономический закон социализма. Наиболее последовательно данную точку зрения отстаивает В. К. Фединин². Существуют и другие точки зрения. Многие социологи объявляют соревнование социологической категорией, ряд исследователей рассматривает его как морально-этическую категорию, а также как категорию надстроечных отношений. Даже краткий перечень точек зрения различных исследователей свидетельствует о том, что природу и сущность социалистического соревнования, его функции и роль в общественной жизни различные исследователи понимают далеко не одинаково. К. Маркс отмечал, что соревнование порождается кооперацией труда, планомерной и совместной деятельностью людей в процессе производства³. Однако в условиях господства частной собственности соревнование приобретает уродливый, извращенный характер конкуренции, которая характерна для всех антагонистических общественных формаций и составляет основу буржуазного производства, покоящегося на капитале. Объективной основой преодоления конкурентной борьбы и замены ее социалистическим соревнованием является уничтожение капитализма. В. И. Ленин считал, что конкуренция «является особенной формой соревнования, свойственного капиталистическому обществу и состоящего в борьбе отдельных производителей за кусок хлеба и за влияние, за место на рынке. Уничтожение конкуренции, как борьбы, связанной только с рынком производителей, несколько не означает уничтожения соревнования, — напротив, именно уничтожение товарного производства и капитализма откроет дорогу возможности организовать соревнование в его не зверских, а в человеческих формах»⁴.

Социалистическое соревнование, как и всякое закономерное явление, имеет свои объективные и субъективные стороны, выяснение сущности которых возможно только на основе диалектико-материалистического пони-

мания мира. Объективную основу для возникновения и развития соревнования при социализме В. И. Ленин видел в установлении общественной собственности на средства производства, в развитии новых производственных отношений, в особенностях социалистической кооперации. Возникая и развиваясь на основе общественной собственности на средства производства, социалистическое соревнование представляет собой свойственный социализму новый тип объективной общественной связи, которая предполагает самое широкое развитие творческого сотрудничества и товарищеской взаимопомощи, соревновательной соизмеримости, сравнимости на основе коллективных интересов в процессе труда.

Только в условиях коммунистического способа производства труд раскрепощается. Новый характер труда порождает и качественно новую форму отношений социалистических производителей. Эти отношения, составляющие суть отношений соревнования, заключаются не только в выявлении творческих возможностей каждого в производстве общественного продукта, т. е. производстве продукта в необходимом для общества объеме, качестве, с минимальными затратами, а, более того, труд становится источником вдохновения и наслаждения.

Социалистическое соревнование как специфическая экономическая категория социализма проявляется, во-первых, в непосредственно общественных экономических связях работников единой общенародной ассоциации, включающих в себя связи общества с каждым трудящимся и с трудовыми коллективами и проявляющихся через личные, коллективные и общенародные интересы; во-вторых, в непосредственно общественной форме совокупного общественного труда и его результата — совокупного продукта общественного производства, планомерно распределяемого обществом. Единство общественной собственности, общность цели социалистического производства, единство общественных, коллективных и личных интересов ставят на новую основу прежде всего отношения творческого сотрудничества и товарищеской взаимопомощи, развивая их как важный фактор роста производства и всестороннего развития личности. Творческое сотрудничество проявляется в различных формах. Обусловленное высоким уровнем обобществления производства и специализацией, оно вышло за рамки предприятий и объединений. Связи между предприятиями на базе планов, хозяйственного расчета, товарно-денежных отношений подкрепляются непосредственным обменом деятельности и прямыми контактами между трудовыми коллективами. Заключаются договоры различных предприятий, связанных производственными циклами, разворачивается содружество смежников по принципу рабочей эстафеты, объединенных единой целью — скорейшим выпуском конечного продукта с минимальными затратами.

Таким образом, социалистическое соревнование является объективно существующим общественным явлением, выступает прежде всего как особое проявление творческого сотрудничества и творческой энергии масс, присущее самой природе общественного труда, вытекающей из общественной собственности на средства производства. Оно представляет новый тип объективной связи, которая предполагает самое широкое развитие в неограниченных возможностях творческих стремлений, инициативы, самостоятельности каждого отдельного работника и коллективов. «Социализм не только не угашает соревнования, а, напротив, — писал В. И. Ленин, — впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размахе, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами»⁵.

Развитие творческого сотрудничества, инициатива трудящихся и коллективов в настоящее время составляет один из важнейших принципов экономической политики партии. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду говорится, что «экономическая политика, которую выдвигает партия на одиннадцатую пятилетку и 80-е годы, отражает коренные, жизненные интересы советского народа. Соединяясь, сливаясь с творчеством, инициативой, энергией масс, она обеспечивает неуклонное продвижение нашего общества по пути роста благосостояния трудящихся, создания материально-технической базы коммунизма»⁶. В Постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О всеоъемном социалистическом соревновании за успешное выполнение и перевыполнение заданий одиннадцатой пятилетки» говорится, что «социалистическое соревнова-

ние — живое творчество масс, патриотическое движение, основанное на высокой сознательности и инициативе советских людей...»⁷ Однако вопросы творческого сотрудничества, развития инициативы и активности трудящихся в процессе производства пока остаются на периферии экономической науки. Особо важно здесь раскрыть глубину тех отношений, которые воплощены в заключаемые повсеместно договора между предприятиями и поставщиками продукции, сырья и материалов, между предприятиями и научно-исследовательскими, проектными, проектно-конструкторскими и технологическими организациями, а также между промышленными и другими предприятиями и строительными, снабженческо-сбытовыми и торговыми предприятиями.

В условиях зрелого социалистического общества отношения творческого сотрудничества повсеместно дополняются отношениями товарищеской взаимопомощи. Это находит свое выражение в таких формах производственных отношений, как «Работа без отстающих!», «Ни одного отстающего рядом», развитие наставничества.

Таким образом, производственные отношения, которые охватывает социалистическое соревнование, являются отношениями творческого сотрудничества и товарищеской взаимопомощи. Отсюда следует, что при характеристике политэкономической категории «социалистическое соревнование» следует прежде всего акцентировать внимание на этих отношениях. Более глубокое изучение отношений творческого сотрудничества и товарищеской взаимопомощи позволит раскрыть сущность происходящих в народном хозяйстве процессов и даст возможность подвести теоретическую базу для правильной организации соревнования, что в первую очередь скажется на реализации цели социалистического производства.

¹ См.: Губанов Н. Е. Социалистическое соревнование: сущность, тенденции, стимулы.— М., 1975; Войков М. И. Соревнование и народнохозяйственное планирование.— М., 1980; Чангли И. И. Философские аспекты труда.— М., 1981.

² См.: Фединин В. К. Социалистическое соревнование на современном этапе.— М., 1974; Соревнование: политэкономические аспекты.— М., 1978.

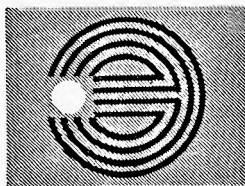
³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 337.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 150—151.

⁵ Там же, т. 35, с. 195.

⁶ Материалы XXVI съезда КПСС.— М., 1981, с. 51.

⁷ Правда, 1981, 29 марта.

О. В. АВДЕЙ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ, ИНТЕРЕСЫ И СТИМУЛЫ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ОСНОВА МАТЕРИАЛЬНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ

Анализ природы, сущности, обусловленности и причин существования материальной заинтересованности занимает в экономической литературе значительное место. Тем не менее многие из указанных характеристик категории «материальная заинтересованность» до настоящего времени остаются дискуссионными. Определим материальную заинтересованность в самом общем виде как форму взаимосвязи экономических стимулов, с помощью которых осуществляется практическая реализация экономических потребностей и интересов. Но это общее определение нуждается в конкретизации. Познавание сущности материальной заинтересованности вызывает необходимость выявления ее связи с другими категориями. Анализ экономических отношений показывает, что категориями, «конституирующими» материальную заинтересованность, являются потребности, интересы, стимулы. Они представляют собой различные ступени абстракции производственных отношений. В этой взаимосвязанной цепи категорий исходной ступенью движения от абстрактного к конкретному, основополагающей для дальнейшего определения характеристик понятия «материальная заинтересованность», является категория «потребность».

Классики марксизма-ленинизма указывали, что всякая потребность лежит в основе того или другого «желания». «Потребитель не более свободен, чем производитель. Его мнение основывается на его средствах и его потребностях. На чем же основывается вся система потребностей — на мнении или на всей организации производства? Чаше всего потребности рождаются прямо из производства или из положения вещей, основанного на производстве»¹. Ф. Энгельс, отстаивая материалистическое понимание истории, отмечал фундаментальное значение материальных потребностей как первичного источника человеческой деятельности: «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того, чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)...»²

Потребность получает побудительный импульс, проходя через сознание субъекта, опосредуясь им, и внешне проявляется в форме нужды, желания, стремления людей. Сама социальная природа человека отличает его потребности от потребностей любого другого живого существа. Возможность осознания присуща только человеку. Но социальная природа потребностей не сводится только к их осознанию. Субъективное отражение может в различной степени совпадать с реально существующей потребностью. Потребность же, будучи объективной категорией, возникает независимо от познавательного процесса. Ленин В. И. говорил, что объективное в обществе следует понимать «не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ... а в том смысле, что общественное бытие **независимо от общественного сознания** людей»³.

В сложной структуре человеческих потребностей доминируют экономические, которые в отличие от всех прочих могут быть удовлетворены не вообще явлениями и предметами материального мира, а лишь продуктами

общественного производства. Количественная и качественная определенность потребностей обусловлена уровнем производительных сил, но достижение этой определенности зависит как от отношений в сфере производства, так и от отношений в сферах распределения, обмена и потребления. Являясь всеобщей экономической категорией, свойственной всем общественно-экономическим формациям, экономические потребности (их сущность и характер) определяются как уровнем развития производительных сил, так и господствующими отношениями собственности. Экономические потребности есть результат производственной деятельности человека, в силу этого они способны оказывать влияние на дальнейшее развитие общественного производства. Своеобразие роли потребностей в общественном производстве состоит в том, что они одновременно выступают и как исходный пункт, и как результат процесса производства. Хотя связь «производство — потребности» взаимообусловлена, тем не менее определяющая роль производства в процессе формирования и развития потребностей очевидна.

При анализе потребностей необходимо различать в конкретной потребности отдельные ее части и стороны⁴ и учитывать, что все «потребности внутренне связаны между собой в одну естественную систему»⁵. Принимая за основу «субъектную» классификацию системы экономических потребностей, можно говорить о потребностях индивида, производственного коллектива и общества в целом. Содержание экономических потребностей определяется производственными отношениями, что в условиях социализма обуславливает единство между общественными, коллективными и личными потребностями. В системе экономических потребностей социального общества ведущее и определяющее место принадлежит главной экономической потребности — «полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества»⁶.

Таким образом, определим потребность как экономическую категорию, представляющую собой первую ступень абстракции системы производственных отношений, составляющую содержание цели общественного производства и характеризующую отношение субъекта к предметным условиям своего существования.

На основе такого понимания категории «потребность», рассмотрим неразрывно связанную с ней категорию «интерес». Суть нынешних дискуссий относительно природы интереса в том, считать ли интерес только объективной категорией или же он является единством объективного и субъективного, т. е. в нем присутствует элемент сознания. В чем же сущность, обусловленность природы экономических интересов, «откуда берутся интересы? Представляют ли они собой продукт человеческой воли и человеческого сознания? Нет, они создаются экономическими отношениями людей»⁷, «сцепляя друг с другом членов гражданского общества»⁸. Как видим, классики марксизма-ленинизма считали экономические интересы объективной категорией, подчеркивая при этом их неразрывную связь с экономическим базисом общества, при котором «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы»⁹.

Причастность же интереса к сознанию человека дает основание говорить лишь о субъективной форме проявления экономической категории «интерес» в системе экономических отношений. Интерес существует до сознания, вне сознания. Но в то же время он не может проявиться вне сознания. В данном случае допустима аналогия с рассуждениями К. Маркса по поводу раскрытия сущности капитала: «...капитал не может возникнуть из обращения и столь же не может возникнуть вне обращения»¹⁰.

В основе интересов лежат объективные материальные потребности. Экономическая потребность является субстанцией интереса, но ни в коем случае ее нельзя отождествлять с самим интересом. Экономические интересы являются последующей ступенью движения от абстрактного к конкретному, обуславливают побудительный мотив достижения цели и, следовательно, развития производства. Посредством экономических интересов субъект, носитель этих интересов, как бы подключается к системе производственных отношений, к механизму действия экономических законов. Интересы выражают необходимость выполнения людьми и социальными группами определенных общественных функций для удовлетворения потребностей, характеризуя при этом ту направленность в деятельности отдельных членов общества, социальных групп, общества в целом, которая необходима для удовлетворения их потребностей. Интерес выражает противоречие между потребностью и условиями ее удовлетворения. В деятельности субъекта это противоречие проявляется как его активность.

Объективной основой единства интересов при социализме является общественная собственность на средства производства, непосредственно общественный характер труда. Как общенародные, так и коллективные, и личные интересы являются своеобразными формами взаимодействия между соответствующими потребностями, формами разрешения противоречий между данными потребностями. Но, с другой стороны, сами экономические интересы находятся в определенном противоречии по отношению друг к другу. Личные, коллективные и общенародные интересы, будучи внутренне противоречивыми, определенным образом взаимодействуют между собой и «это взаимодействие раскрывает тот внутренний механизм, который сообщает интересам их движущую функцию в развитии общества»¹¹. Именно в противоречивом взаимодействии интересов следует искать источник поступательного общественного развития. Сущностным противоречием интересов является также диалектическая взаимосвязь между субъектами интересов.

Противоречивое взаимодействие экономических интересов обуславливает сущность их движущей функции в развитии общественного производства. Данную функцию экономические интересы выполняют в процессе своей реализации через систему экономических стимулов, которые являются третьей ступенью системы производственных отношений в направлении движения от абстрактного к конкретному.

Ленин неоднократно отмечал объективную природу стимулов, действующих в сфере экономических отношений. Так, давая оценку продовольственному налогу и свободному обороту излишков крестьянских продуктов в связи с переходом к нэпу, он писал: «Этот самый оборот — стимул, побудитель, толчок для крестьянства. Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес, потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог, который, по возможности, нужно будет определить заранее. Основное — чтобы был стимул, побудитель, толчок мелкому земледельцу в его хозяйствовании»¹². Объективные основы стимулов заключены в экономической связи между результатами труда и продуктом, поступающим в распоряжение участников производства. Объективная связь между результатами труда и вознаграждением предполагает, чтобы последнее было именно объективной величиной, которая, с одной стороны, обеспечивает возмещение затрат труда и всестороннее развитие участников производства и, с другой — соответствует качеству и количеству произведенной продукции. Необходимо отметить и то обстоятельство, что признание объективной природы стимулов имеет важное практическое значение, ибо становится очевидным, что стимулы нельзя произвольно менять. Стимулирование должно базироваться на учете объективной необходимости.

Итак, стимулом является любой внешний побудитель к деятельности в направлении реализации имеющихся у индивида, социальной группы (коллектива), общества в целом интересов. При этом то обстоятельство, что стимулы опосредуют реализацию интересов, являясь формой этой реализации, и придает им побудительную силу. Также существенно, что в отличие от экономических интересов, улавливающих определенные производственные отношения в их сущностной, глубинной определенности, экономические стимулы отражают более «поверхностные» слои экономических отношений. Анализ категорий (потребностей, интересов, стимулов), определяющих объективные основы материальной заинтересованности, дает возможность изложить понимание ее сущности. Определим ее как объективную экономическую категорию, являющуюся формой взаимосвязи внешних побудителей к деятельности (материальных, моральных, творческих), с помощью которых через экономические интересы реализуется цель общественного производства.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 246, т. 4, с. 80.

² Там же, т. 20, с. 493.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 345.

⁴ См.: Гегель. Соч., — М., — Л., 1934, т. 7, с. 218.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 368.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 232.

⁷ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. — М., 1956, т. 2, с. 2.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 134.

⁹ Там же, т. 18, с. 271.

¹⁰ Там же, т. 23, с. 176.

¹¹ Радаев В. В. Экономические интересы при социализме. — М., 1972, с. 218.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 71.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБМЕНА СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Экономический механизм регулирования производства в период перехода от капитализма к социализму развивался на основе государственной монополии на производство и распределение основных средств производства. Успешное развитие социалистического уклада зависело от того, насколько «умело, систематично и планомерно будет пролетариат распоряжаться сосредоточенными в его руках... огромными средствами производства»¹. В условиях многоукладной экономики важно было не допустить скрытого перераспределения средств производства в пользу несоциалистических форм хозяйства. В этой связи особое значение приобретала рациональная организация обмена средств производства, который хотя зависит от производства, но имеет и относительно самостоятельное значение. Он выступает активной силой, воздействующей на производство и весь воспроизводственный процесс в целом. «...Обмен снова распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям...»², а поэтому вносит в процесс распределения определенные изменения.

Исторические условия переходного периода, связанные с многоукладностью экономики, требовали общественного регулирования экономического процесса обмена в интересах социалистических форм хозяйства. Отношения обмена необходимо было организовать так, чтобы средства производства через эту сферу не переходили в руки частного сектора, не использовались для эксплуатации трудящихся и не превращались в капитал. С другой стороны, и в самом социалистическом укладе рациональный обмен средствами производства между отдельными промышленными предприятиями был важнейшим фактором, определявшим темпы роста, структуру и пропорции расширенного социалистического воспроизводства.

Проблема организации внутрипромышленного обеспечения средствами производства встала перед советским государством с момента его возникновения, так как из-за закрытия части предприятий старые хозяйственные связи в значительной степени оказались разрушенными. Указанная задача решалась в два этапа. На первом этапе — в период «военного коммунизма» — экономические связи по обеспечению средствами производства приняли форму непосредственного общественного регулирования. Движение средств производства осуществлялось по ордерам и приказам центров и главков без участия денежных знаков. Сложившаяся «с минимумом торговли разверстка, — как отмечал В. И. Ленин, — наиболее государственное распределение...»³ общественного продукта и жесткий централизм управления производством были естественны для экономической политики «военного коммунизма».

Вскоре, однако, обнаружилось, что снабжение предприятий всем необходимым независимо от результатов их производственной деятельности порождает неэкономное расходование средств производства, иждивенческие настроения у хозяйственных руководителей и как следствие — падение производства. Эти причины заставили пересмотреть организацию всей хозяйственной деятельности предприятий, экономических связей между ними, а значит, и форм обеспечения средствами производства.

С переходом к новой экономической политике в интересах социалистического строительства стала широко использоваться товарная форма экономических связей. Рыночный обмен охватил и средства производства. Специфика сферы обмена средств производства в переходный период от капитализма к социализму заключалась в том, что его основой была многоукладная экономика, поэтому его социально-экономическая природа была двойственной. На рынке средств производства встречались продукты, произведенные в различных экономических секторах, а следовательно, и выражавшие разные экономические отношения. В процессе обмена в экономических отношениях шла борьба между капиталистическим и социалистическим укладами. Частный капитал стремился использовать рынок средств производства в целях накопления капитала. Социалистическое государство по отношению к рынку поставило задачу «овладеть им и путем систематических, строго обдуманных и построенных на точном учете процесса рынка экономических мероприятий, взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения»⁴.

Рыночный обмен средств производства связывал общественно-экономи-

ческие уклады, но в то же время затруднял общественный контроль за движением средств производства, а значит, и за социально-экономическими последствиями непосредственного процесса производства. Вместе с тем этот контроль был жизненно необходим, так как товарная форма обмена, предоставленная самой себе, неизбежно порождает и усиливает капитализм.

Широкое использование товарно-денежных отношений в сфере обмена средств производства, имевшее место в 1921—1922 годы, без достаточной регулирующей роли государства было подтверждением этому. В эти годы в данной сфере получило широкое распространение частное посредничество, а также имели место отношения конкуренции между самими объединениями социалистических предприятий — трестами. Конкуренция на рынке средств производства обнаружилась уже к весне 1922 года, когда наметился кризис сбыта, развернувшийся в более широких масштабах в 1923 году. Неумелое использование товарно-денежных отношений привело к «разбазариванию» средств социалистической промышленности. Сумма этих «разбазаренных» средств была весьма значительной: по подсчетам Госплана, ВСНХ, Комвнторга она составила 150—230 млн. золотых руб.⁵ Самостоятельные поиски трестами поставщиков и потребителей на рынке без участия планирующих органов явно не оправдывали себя. Конечно, усиление стихийных тенденций обуславливалось многоукладностью экономики, но причина их была в самом факте недостаточной работы со стороны высших экономических органов государства по планированию связей «производство — потребление» средств производства.

Первый опыт организации оптового оборота средств производства в товарной форме со всей остротой поставил вопрос о конкретных формах использования товарно-денежных отношений, о плановом руководстве товарной формой экономических связей в этой сфере. Возможности организации планомерного обмена средств производства достигалась тем, что социалистическое государство было собственником подавляющей части средств производства. Ресурсы средств производства выделялись в первую очередь социалистическим предприятиям, затем кооперативным и в последнюю очередь — капиталистическим. Внутри капиталистического уклада они направлялись на производство тех продуктов, которые были необходимы социалистическому укладу. Частный торговый капитал в сфере реализации средств производства всемерно ограничивался. Ему государственные торговые организации отпускали лишь те товары производственно-технического назначения, которые имелись в избытке. При продаже средств производства оптовым государственным покупателям последние обязывались не перепродавать приобретенные средства производства частным оптовикам. Однако частный торговый капитал, используя товарную форму, несмотря на ограничения его деятельности государством, вклинивался в рынок средств производства и вносил стихийность в социалистический уклад. Опасность роста капитала через рынок средств производства предопределила использование товарно-денежных отношений в осуществлении этого процесса в специфических формах. И с переходом к нэпу социалистическое государство не ослабляло централизованного распределения той части средств производства, от которой зависели важнейшие народнохозяйственные пропорции. Отрасли тяжелого машиностроения были оставлены на госснабжении и работали на основе прямых государственных заказов. Планово-регулирующие государственные органы предопределяли круг потребителей этой продукции, характер ее использования, ее цену. Непосредственно общественное регулирование процесса реализации продукции тяжелой промышленности сказалось на устойчивом подъеме производства средств производства, хотя в первые годы еще несколько медленном. Централизованное распределение важнейших средств производства обеспечивало самую высокую степень общественного регулирования, в результате которого потоки средств производства направлялись на важнейшие участки социалистического строительства.

Остальная часть средств производства была охвачена оптовой торговлей. Здесь получили широкое распространение товарно-денежные отношения, в единстве с которыми шло становление планомерности. С целью развития планомерности рынок средств производства регулировался государственными органами — синдикатами, торгами, биржами, ярмарками. Важнейшую роль в развитии рынка средств производства и в его подчинении плановому началу сыграли синдикаты и торговые отделы совнархозов — торги.

Синдикаты создавались как добровольные торговые объединения тре-

стов отдельной отрасли промышленности. В отраслях, где предприятия были объединены в одном тресте, функцию торговли осуществляли тресты. Такие тресты по существу наделялись синдикатскими функциями. Синдикаты, будучи единственными представителями рынка средств производства, осуществляли как оптовую торговлю средствами производства, так и выполнение государственных заказов. Для ведения торговых операций синдикаты и тресты с синдикатскими функциями создавали разветвленную сеть территориальных представительств и отделений с базами, складами и магазинами. Синдикаты и тресты с синдикатскими функциями выражали интересы отрасли и защищали их на рынке. С другой стороны, они находились в подчинении высшего экономического регулирующего органа государства — ВСНХ и выражали общегосударственные интересы по отношению к отдельной отрасли. Поэтому они стремились преодолеть рыночную ориентировку трестов и регулировать их торговую деятельность в общегосударственных интересах. Синдикаты были органами ВСНХ и проводниками его политики также по отношению к частному капиталу.

На основе централизованного учета производственного спроса промышленности реализация средств производства приобретала организованный, плановый характер. Синдикаты и тресты с синдикатскими функциями в своей торговой деятельности стали переходить от разовых торговых сделок к долгосрочным договорам с потребителями. Сбыт продукции государственной промышленности утрачивал характер «свободной» купли-продажи.

Внедрение планового начала в оптовую торговлю средствами производства изменяло ее характер. Оптовые операции синдикатов выглядели не как случайная торговая сделка, а выступали как планомерно подготовленная купля-продажа. При таких условиях оптовая торговля средствами производства стала приобретать характер распределения, вполне обеспечивала регулирование системы хозяйственных связей для решения государственных задач и представляла собой гибкую форму согласования интересов потребителей и производителей.

В сферу централизованного регулирования местная промышленность также вовлекалась путем синдицирования ее продукции. Синдицирование местной промышленности зависело от характера выпускаемой продукции и дефицитности ее сырья. Дополнением синдикатской системы выступали местные торги — территориальные органы снабжения и сбыта промышленности республиканского значения. Они концентрировали сбытовую и заготовительную деятельность различных отраслей, были своеобразным универсальным синдикатом. Торги налаживали договорные взаимоотношения с синдикатской системой и обслуживаемыми предприятиями, обеспечивали планомерное регулирование реализации продукции на местных рынках.

Органическое сочетание централизованного распределения средств производства и оптовой торговли было спецификой реализации средств производства в переходный период вплоть до первой пятилетки. Целесообразное сочетание плана и рынка в снабжении предприятий средствами производства препятствовало скрытому перераспределению средств производства в пользу несоциалистических форм хозяйства, обеспечивало действенный контроль социалистического государства за развитием социально-экономических процессов, способствовало успешному социалистическому строительству в нашей стране.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1970, т. 2, с. 307.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 715.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 487.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов., т. 2, с. 301.

⁵ См.: Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. 1921—1924. — М., 1971, с. 169.

М. К. АКУЛИЧ

КОМПЛЕКСНОЕ РАЗВИТИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО АПК РЕГИОНА

В решениях майского (1982) Пленума ЦК КПСС подчеркивается, что продовольственная проблема является сложной и многоплановой. Решению ее будет содействовать комплекс организационно-технических и социально-

экономических мероприятий. Именно на такое комплексное научное решение продовольственной проблемы и нацелена Продовольственная программа СССР на период до 1990 года. Материальной основой ее осуществления является продовольственный аграрно-промышленный комплекс. Продовольственная программа СССР предусматривает решение трех взаимосвязанных задач: значительное увеличение производства сельскохозяйственной продукции и более полное удовлетворение потребностей населения в разнообразных и высококачественных продуктах питания, создание для этого достаточных резервов; обеспечение страны достаточными собственными продовольственными и фуражными ресурсами, прекращение импорта сельскохозяйственной продукции из капиталистических стран, постепенное расширение экспорта пшеницы и ряда других видов продукции земледелия; соединение воедино усилий сельского хозяйства, обслуживающих его отраслей промышленности, систем заготовки, хранения, переработки, транспортировки и торговли сельскохозяйственной продукции, подчинение их деятельности общей конечной цели — надежному и бесперебойному снабжению населения высококачественными и разнообразными продовольственными товарами.

Из задач, которые должны быть решены в ходе выполнения Продовольственной программы, вытекает, что эта программа по своему содержанию и масштабам представляет собой стратегический план развития сельского хозяйства и всего продовольственного комплекса.

Важнейшей особенностью Продовольственной программы является комплексный системный подход к решению продовольственной проблемы. В ней намечается прочно увязать в единый социально-производственный организм сельское хозяйство и обслуживающие его отрасли, обеспечить сбалансированное и высокоэффективное функционирование народнохозяйственного агропромышленного комплекса, усовершенствовать управление и планирование его.

Научный системный подход к решению продовольственной проблемы означает, что на уровне сельскохозяйственных предприятий, районных, областных АПО и продовольственных комплексов республик должна достигаться оптимальная пропорциональность функциональных частей производственных фондов, производственных мощностей и объемов производства продукции между сельским хозяйством и пищевой промышленностью.

Комплексный подход к формированию производственных фондов колхозов и совхозов в сложившихся условиях означает прежде всего формирование оптимального соотношения основных и оборотных производственных фондов. Как отмечалось на VII Пленуме ЦК КПБ 4 июня 1982 года, за период после 1965 года капитальные вложения только в сельское хозяйство Белоруссии составили почти 16 млрд. рублей, что в 4,8 раза больше, чем за все предыдущие годы Советской власти¹. Основные производственные фонды колхозов и совхозов увеличились за этот период почти в 5 раз, энерговооруженность труда — в 4,2 раза. Благодаря этому среднегодовой объем производства сельскохозяйственной продукции в десятой пятилетке по сравнению с седьмой возрос в 1,6 раза. Запланированный рост капиталовложений в сельское хозяйство на XI пятилетку делает еще более насущной проблему оптимального соотношения функциональных частей производственных фондов.

Экономический анализ показывает, что повышения эффективности сельскохозяйственного производства можно достичь лишь при условии, если на уровне каждого предприятия возрастающие основные производственные фонды и материальные оборотные средства будут находиться в определенной пропорции. Практически это означает, что в расчете на каждую голову скота должно быть заготовлено и потреблено определенное количество кормов, параллельно с ростом затрат на приобретение почвообрабатывающей техники должен расти также объем вносимых в почву органических и минеральных удобрений, наряду со строительством животноводческих помещений необходимо увеличивать поголовье скота на откорме и т. д.

Однако в рамках продовольственного комплекса проблема формирования оптимальной структуры производственных фондов является не только важной, но и чрезвычайно сложной. Это связано с тем, что преобладающая часть средств труда (основные фонды) для сельского хозяйства производится промышленностью. Что же касается оборотных фондов (семена, корма, скот на откорме, органические удобрения), то они производятся самими сельскохозяйственными предприятиями. В связи с этим их пропорци-

ональное соединение зависит от многих условий: объема, структуры, качества средств труда и цен на них — с одной стороны; размера, структуры, качества предметов труда и их себестоимости — с другой. Следовательно, комплексность решения проблемы оптимального соотношения основных производственных фондов и материальных оборотных средств в сельском хозяйстве на уровне совхозов и колхозов не может быть решена самими сельскохозяйственными предприятиями. Это функция всего АПК.

Исследованиями экономистов доказано, что для хозяйств Белорусской ССР с мясо-молочной специализацией высокие экономические показатели использования производственных фондов достигаются тогда, когда на 100 рублей основных производственных фондов используется 70—80 рублей материальных оборотных средств². Так, в Мозырском районе Гомельской области 17 колхозов и совхозов. Их основные производственные фонды превышают 45 млн. рублей, а материальные оборотные средства — примерно 15 млн. рублей, т. е. в целом по району соотношение их невысокое 1,0:0,33, что значительно ниже общереспубликанского уровня, где на начало текущей пятилетки это соотношение составляло 1,0:0,45. Недостаточная обеспеченность материальными оборотными средствами хозяйств Мозырского района явилась одной из коренных причин того, что 11 колхозов и совхозов завершили 1981 год с убытками и только 6 были рентабельными. И это как раз те хозяйства, где на каждый рубль основных производственных фондов использовалось в производстве значительно больше, чем в среднем по району, материальных оборотных средств. К числу последних относится колхоз «Родина». В 1981 году основные производственные фонды здесь составили 3,2 млн. руб., а оборотные — 1,8 млн. руб., т. е. на 1 рубль основных было использовано 0,56 руб. оборотных. Хотя это не оптимальный показатель, но он выражает то, что колхоз «Родина» использовал кормов на 5 ц кормовых единиц в расчете на голову скота больше, чем в целом по району, внес на 3 т органических удобрений в расчете на гектар пашни больше среднерайонного показателя, засеял поля высококачественными семенами и завершил хозяйственный год с прибылью в 136,5 тыс. руб.

Далеко неоптимальная обеспеченность основных производственных фондов материальными оборотными средствами на базовом уровне продовольственного комплекса требует определенного изменения структуры капиталовложений в сельское хозяйство. Так, до настоящего времени не полностью используются возможности для развития материально-технической базы кормопроизводства, семеноводства сельскохозяйственных культур, что отрицательно сказывается на формировании структуры производственных фондов и эффективности сельскохозяйственного производства. Поэтому сельскохозяйственные и плановые органы Белорусской ССР пересмотрели сложившиеся пропорции в использовании капиталовложений с учетом более ускоренного роста основных фондов растениеводства.

В осуществлении Продовольственной программы в настоящее время «максимум внимания должен быть уделен современному вводу в действие тех объектов агропромышленного комплекса, которые позволяют в короткий срок дать наибольший прирост продуктов питания»³. В свете требований майского (1982) Пленума ЦК КПСС в Белорусской ССР, в том числе и в Гомельской области, будут проведены большие работы по строительству, завершению строительства и реконструкции предприятий пищевой промышленности. Капиталовложения на развитие отраслей, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию, на одиннадцатую пятилетку и перспективу будут очень быстро расти.

Объем капиталовложений и затрат на строительно-монтажные работы в одиннадцатой пятилетке по всем министерствам почти в два раза превышает аналогичные показатели десятой пятилетки. Необходимость такого быстрого развития промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье, определяется, с одной стороны, имеющимся в настоящее время несоответствием между объемом сельскохозяйственного производства и мощностями пищевой промышленности. Именно поэтому темпы развития сельского хозяйства намного ниже темпов развития пищевой промышленности. С другой — потребностью более полно сохранять производимый продукт в сельском хозяйстве, являющийся теперь промежуточным и, переработав, превращать его в конечный, тем самым увеличивая его объем и одновременно повышая качество.

Комплексное развитие продовольственного АПК означает направление капиталовложений, трудовых ресурсов и материальных средств на те уча-

стки системы, которые сдерживают общее развитие, затрудняют рост конечного продукта и снабжения им населения. В решениях майского (1982) Пленума ЦК КПСС подчеркивается, что «курс на эффективность требует ускоренного развития связанных с сельским хозяйством отраслей. Мы все чаще сталкиваемся с таким положением, когда узким местом становится не производство, а хранение, переработка продукции, доведение ее до потребителя»⁴. Как показывают расчеты, комплексность подхода к решению возникшей проблемы в Гомельской области выражается в том, что в годы одиннадцатой пятилетки ввод хранилищ должен намного превышать их выбытие: по зернохранилищам более чем в два раза, картофелехранилищам более чем в пять раз, овощехранилищам более чем в 10 раз, фруктохранилищам в 2,6 раза, емкостям хранения кормов в 3 раза⁵. Это означает, что будет устраняться диспропорция между производством сельскохозяйственной продукции и емкостями ее хранения. Однако комплексность подхода к решению продовольственной проблемы на любом уровне должна опираться не на преодоление допущенных диспропорций в развитии продовольственного комплекса, что допустимо в качестве необходимой временной меры, а на систему балансов производства и распределения сельскохозяйственной продукции, сельскохозяйственных сырьевых ресурсов и соответствующих мощностей перерабатывающей промышленности, балансовых расчетов потребности сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности в материально-технических ресурсах в соответствии с плановым объемом производства. Именно такие балансы и создаются сейчас в Гомельском АПО.

Итак, развитие продовольственного комплекса происходит на основе четких закономерностей, среди которых важнейшей является планомерность. Сущность планомерности развития продовольственного комплекса заключается прежде всего в достижении внутренне сбалансированного, согласованного развития всех его сфер. В сельском хозяйстве эта сбалансированность должна достигаться формированием структуры производственных фондов. Планомерность развития сельского хозяйства как ведущего звена продовольственного комплекса требует, чтобы капиталовложения, как форма расширенного воспроизводства, направлялись на последовательное обновление основных производственных фондов и техническое перевооружение сельского хозяйства. Необходим научный подход к выбору таких направлений капиталовложений, которые обеспечивали бы повышение производительности труда и рост производства продукции. Планомерность продовольственного комплекса как закономерность проявляется, далее, в сбалансированности развития трех его важнейших сфер. Основой планомерного развития и укрепления связей сельского хозяйства и пищевой промышленности являются балансы сырьевых ресурсов, производимых сельским хозяйством, и производственных мощностей пищевой, мясо-молочной, комбикормовой и других отраслей промышленности, производящих продовольствие и корма для животноводства.

¹ См.: Сельская газета, 1982, 5 июня.

² См.: Сельское хозяйство Белорусской ССР, 1982, № 11, с. 7.

³ Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации. — М., 1982, с. 13.

⁴ Там же, с. 12.

⁵ См.: Долгосрочная программа комплексного развития хозяйства Гомельской области на период до 2000 г. — Минск, 1981, с. 66—67.

Т. И. ДОВНАР

ЗНАЧЕНИЕ ПЕРВОЙ КОНСТИТУЦИИ СССР В КОНСТИТУЦИОННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ БССР

Ленинские идеи братства, сотрудничества, сближения трудящихся всех наций и народностей, закрепленные в программе партии по национальному вопросу, определили содержание национальной политики молодого советского государства. В. И. Ленин не только доказал историческую закономерность и жизненную необходимость государственного объединения народов, строящих социализм, но и показал конкретные пути решения этой задачи, открыв наиболее целесообразную, исторически закономерную форму сотрудничества народов — союзную федерацию.

Практическое осуществление ленинских идей по национальному вопросу началось с первых дней существования Республики Советов, с опубликования первого декрета Советской власти — Декрета о мире. Вопрос о национально-государственном строительстве В. И. Ленин связывал с установлением и упрочением диктатуры пролетариата, с победой социализма. Образованные в результате победы Великого Октября по инициативе В. И. Ленина молодые национальные социалистические республики стремились к тесному сплочению с РСФСР. В Декларации I Всебелорусского съезда Советов отмечалось: «Советская Белоруссия признает необходимость установления тесных экономических и политических связей со своим старшим братом — Российской Советской Республикой»¹.

По добровольному согласию всех республик РСФСР явилась инициатором и центром нового государственного объединения республик. Коммунистическая партия, выдвинув перед раскрепощенными народами России общую цель — строительство социализма и коммунизма, последовательно проводила в жизнь ленинские идеи об установлении правового и фактического равноправия наций и народностей, о создании необходимых условий для их расцвета, сотрудничества и взаимопомощи. Была заложена идейная и практическая основа развития объединительного движения, предоставлена всем народам, в том числе и трудящимся Белоруссии, полная возможность беспрепятственно определить свое отношение к образованию Союза ССР. Началась разработка первой союзной конституции. В конце ноября 1922 года ЦК РКП(б) утвердил «Основные пункты Конституции», которые были направлены затем в республики на обсуждение. В БССР они были утверждены IV Всебелорусским съездом Советов, который, выражая волю трудящихся Белоруссии, принял решение об образовании СССР и избрал своих полномочных делегатов на I съезд Советов Союза ССР.

30 декабря 1922 года I съезд Советов СССР утвердил «Декларацию об образовании СССР» и «Договор об образовании СССР». В этих документах были закреплены сформулированные В. И. Лениным важнейшие конституционные принципы впервые созданного союзного государства: общность классовой основы республик, добровольный и равноправный характер объединения, доверие и сотрудничество. Оба этих акта легли затем в основу первой союзной конституции. Проходивший 9—15 января 1924 года V Всебелорусский съезд Советов подтвердил все постановления ЦИК и СНК БССР о вступлении БССР в Союз ССР, одобрил проект союзной конституции и деятельность правительства по его подготовке и поручил ЦИК БССР приступить к подготовке новой республиканской конституции.

31 января 1924 года II съездом Советов СССР была окончательно утверждена первая союзная конституция, оформившая образование Союза ССР. Сохраняя преемственность основных идей Конституции РСФСР 1918 года и первых республиканских конституций, она отразила в себе ленинские принципы образования союзного государства: добровольность объединения, равноправие и суверенность народов, их братское сотрудничество. «Создание Союза ССР, — говорится в Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования СССР», — живое воплощение идей Владимира Ильича Ленина, ленинских принципов национальной политики»². Конституция продемонстрировала всему миру путь решения национального вопроса в духе пролетарского интернационализма. В первом разделе конституции — «Декларации об образовании СССР» — подчеркивалось коренное отличие национальной политики Советского государства от политики национального угнетения в капиталистическом мире, отмечались причины объединения республик в единое союзное государство, указывались принципы этого объединения. Второй раздел конституции — «Договор об образовании СССР» — был посвящен предмету ведения Союза ССР, структуре его высших органов власти и управления, правам союзных республик. Конституция определила двухпалатную структуру ЦИК СССР, состоящего из Союзного Совета и Совета Национальностей. Первая палата отражала общие интересы трудящихся всех наций, вторая — специфические, особенные национальные интересы отдельных республик и областей. В ст. 3 подчеркивалось: «Суверенитет республик ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза»³. Вне этих пределов союзная республика осуществляла власть самостоятельно. Устанавливалось единое союзное гражданство. Суверенитет республики стал охраняться всей силой и мощью Союза ССР.

Конституция СССР 1924 года имела своей целью закрепление вновь созданного государственного союза, поэтому в ней преобладали вопросы структуры союзного государства. Вопросы же целей и задач государства, принципов общегосударственного устройства и государственного строя, основ организации и деятельности Советов, правового статуса гражданина не нашли отражения в конституции. Они были отданы на рассмотрение республиканских конституций, которые в соответствии с Конституцией СССР принимались республиками самостоятельно.

В повестке дня VI Чрезвычайного Всебелорусского съезда Советов значился вопрос о Конституции БССР. В принятых по этому вопросу тезисах говорилось: «В связи с образованием Союза ССР установлены более тесные взаимоотношения между Союзом и республиками посредством объединения целого ряда наркоматов и установления единого гражданства, что должно быть внесено в Конституцию БССР согласно Конституции СССР»⁴. Съезд принял также постановление о том, что в соответствии с Конституцией СССР изменяются некоторые конституционные нормы, в частности, разграничиваются функции ЦИК БССР и СНК. Ранее аппарат этих органов был объединенным, а председатель ЦИК и СНК БССР был одним и тем же лицом. По решению съезда создавался новый ЦИК из 130 членов и 30 кандидатов, избираемых на съездах Советов. ЦИК БССР избирал свой Президиум из 9 членов, который возглавлял председатель ЦИК. На съезде была образована Конституционная комиссия для выработки проекта новой республиканской конституции. Принятие новой Конституции БССР имело своей целью также урегулирование ряда положений, не отраженных в первой конституции республики 1919 года (полномочия СНК, система народных комиссариатов, четкое разграничение полномочий ЦИК и СНК), а также устранение некоторых устаревших положений (о социализации земли, о рабочем контроле и пр.).

Работа Конституционной комиссии несколько затянулась. В первый проект конституции, обсуждавшийся широкими массами трудящихся республики, было внесено много изменений и дополнений. Готовившийся к VIII съезду Советов БССР проект второй редакции также подвергся тщательному пересмотру и переделке. Текст проекта испещрен замечаниями, исправлениями, вопросами⁵. Много существенных замечаний и поправок внес член ЦИК БССР И. А. Адамайtis. Принятие конституции задерживалось и в связи с тем, что еще в марте 1923 года на XII Всебелорусской конференции большевиков был поставлен вопрос об окончательном определении территории БССР «путем включения в состав Белоруссии родственных ей соседних районов»⁶. VI Всебелорусский съезд Советов, рассмотрев этот вопрос, в обращении «Ко всем трудящимся Белоруссии» от-

метил: «Съезд Советов считает расширение территории Белоруссии актом взаимного доверия и уважения, существующего между народами, входящими в состав Союза Советских Социалистических Республик»⁷. После разрешения этого вопроса и присоединения к БССР в декабре 1924 года 15 уездов и 16 волостей Гомельской, Витебской и Смоленской губерний, а также (в декабре 1926 года) Речицкого и Гомельского уездов, на VIII Всебелорусском съезде Советов 11 апреля 1927 года была утверждена новая Конституция БССР.

Конституция БССР состояла из 13 глав, содержащих 76 статей. В преамбуле конституции отмечалось что она сохраняет преемственность основных положений ленинской Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, Манифеста первого правительства БССР, основных начал Конституции БССР 1919 года и Декларации о провозглашении независимости БССР 1920 года⁸. Вопросы общественного строя политико-экономической организации, нашедшие отражение лишь в общем виде в Конституции СССР, подробно регламентировались новой Конституцией БССР. Она закрепила итоги социалистического строительства в республике и юридически оформила факт вступления БССР в состав Союза ССР. В ней говорилось о передаче части своих полномочий Союзу и подтверждалось в соответствии со ст. 4 Конституции СССР право свободного выхода республики из состава Союза. Сохраняя преемственность основополагающих принципов союзной конституции и подчеркивая классовую природу Советской власти, ст. 2 конституции отмечала, что БССР является социалистическим государством диктатуры пролетариата и вся власть в республике принадлежит Советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В конституции подробно рассматривались вопросы, касающиеся организации и деятельности Всебелорусского съезда Советов, ЦИК, СНК и народных комиссариатов, предметов ведения местных органов власти и их исполнительных комитетов, избирательного права, герба, флага и столицы БССР. Конституция законодательно закрепляла основные права и свободы трудящихся Белоруссии, предусматривала их материальные гарантии. Конституционными нормами регулировалось соотношение прав и обязанностей граждан республики. Были четко сформулированы основные задачи по обеспечению свободного экономического и культурного развития республики, подъему благосостояния трудящихся всех национальностей, входящих в ее состав. Все эти положения содействовали становлению и утверждению пролетарской диктатуры и пролетарской демократии.

Новая республиканская конституция «обобщила и закрепила успехи белорусского народа в строительстве социализма, отразила факт объединения Белорусской Советской Социалистической Республики и других советских республик в единое союзное государство»⁹. Принятие первой Конституции СССР и республиканских конституций имело своим следствием упрочение единого многонационального государства, в рамках которого все народы нашей страны создали свою национальную государственность, стали на путь социального прогресса. Оправдалось историческое предвидение В. И. Ленина о том, что федерация наций создаст условия для перехода «к сознательному и более тесному единству трудящихся...»¹⁰ Большая и дружная семья народов Союза ССР, строящих коммунизм, успешно претворяет в жизнь ленинские заветы и предвидения.

¹ История Советской Конституции. 1917—1956: Документы и материалы.— М., 1956, с. 186.

² Правда, 1982, 21 февраля.

³ История Советской Конституции, с. 462.

⁴ ЦГАОР, ф. 6, оп. 1, д. 272, ч. 4, л. 291.

⁵ ЦГАОР, ф. 6, оп. 1, д. 473, л. 1—171.

⁶ Образование СССР: Сборник документов. 1917—1929.— М., 1949, с. 344.

⁷ ЦГАОР, ф. 6, оп. 1, д. 272, ч. 4, с. 264.

⁸ См.: История Советской Конституции, с. 590.

⁹ История государства и права БССР. 1917—1936.— Минск, 1970, т. 1, с. 299.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 73.

**ФЕДЕРАЛЬНЫЕ НАЧАЛА В ПОСТРОЕНИИ
СИСТЕМЫ ОРГАНОВ СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

СССР представляет собой государственный союз многих народов, вместе с тем это единое по своей социально-политической природе союзное (федеральное) государство (ст. 70 Конституции СССР). Союз ССР — суверенное государство. Суверенными государствами являются и субъекты федерации — союзные республики (ст. 76 Конституции СССР и ст. 68 Конституции БССР). Каждая союзная республика независимо от величины ее территории, численности проживающего в ней населения, экономических возможностей пользуется одинаковыми правами со всеми другими союзными республиками.

Суверенность государства, кроме других важнейших компонентов (признаков), предполагает наличие аппарата государственного управления. Такой аппарат имеют Союз ССР и каждая союзная республика. Аппарат управления Союза ССР и союзных республик построен с учетом федерализма, в соответствии с принципом демократического централизма. В аппарате управления проявляется природа суверенитета СССР (как союзного государства) и союзных республик (как его субъектов). СССР и союзные республики (их аппарат управления) не могут действовать обособленно, они дополняют друг друга, постоянно взаимодействуют между собой, и в то же время не тождественны, не поглощают друг друга. Сфера деятельности союзных органов государственного управления определяется всей территорией СССР, союзной республики — только ее территорией.

Согласованность, взаимодействие проявляются как между советскими правительствами, так и между ними и центральными органами управления и ведомствами. Совет Министров СССР — орган управления Союза ССР, но в его состав на правах членов входят председатели советов министров союзных республик. Советы министров союзных республик не являются нижестоящими, подчиненными и подконтрольными органами Совета Министров СССР. Он по отношению к правительствам союзных республик выполняет направляющую роль. Союзное правительство, проводя единую общегосударственную политику во всех областях государственной, хозяйственной и культурной жизни, вправе по вопросам, отнесенным к ведению Союза ССР, приостанавливать исполнение постановлений и распоряжений советов министров союзных республик. Его акты обязательны для органов управления союзных республик. Советы министров союзных республик строят свою деятельность на основе и во исполнение законодательных актов СССР, постановлений и распоряжений Совета Министров СССР.

Общесоюзные и союзно-республиканские министерства, государственные комитеты и ведомства Союза ССР, являясь органами СССР, не подчиняются союзным республикам. Однако управленческая работа их строится не изолировано от органов союзных республик, а с ними согласуется, совместно разрабатываются и осуществляются мероприятия по развитию материальной базы, совершенствованию технологии и организации производства, по строительству новых, реконструкции и расширению старых предприятий, находящихся на территории союзных республик. Советы министров союзных республик координируют и контролируют работу предприятий, учреждений и организаций союзного подчинения по вопросам, относящимся к ведению союзных республик, вносят предложения по улучшению их деятельности. Местные Советы народных депутатов (и их исполкомы) в пределах своих полномочий осуществляют контроль за соблюдением законодательства предприятиями, учреждениями и организациями союзного подчинения, расположенными на их территории, координируют и контролируют их деятельность в области землепользования, охраны природы, строительства, использования трудовых ресурсов, производства товаров народного потребления, социально-культурного, бытового и иного обслуживания населения (ст. 147 Конституции СССР).

Активное взаимодействие органов государственного управления Союза ССР и союзных республик объясняется в первую очередь тем, что предприятия, учреждения и организации союзного подчинения расположены на территории союзной республики, а правительства союзных республик ответственны за состояние всех дел в республике, исполкомы местных Советов — в пределах ведения своих Советов.

Органы государственного управления Союза ССР и союзных республик в своей совокупности образуют стройную систему, определенную конституциями СССР, союзных республик и изданными на их основе законодательными актами. В настоящее время сложилась следующая система органов советского государственного управления: 1) высшие исполнительные и распорядительные органы государственной власти—это: а) Совет Министров СССР; б) советы министров союзных и в) автономных республик; 2) центральные: а) Комитет народного контроля СССР, комитеты народного контроля союзных и автономных республик; б) министерства; в) государственные комитеты; 3) ведомства—комитеты, главные управления, управления, государственный арбитраж и другие подобные им органы при Советах Министров по делам хозяйственного и социально-культурного строительства; 4) местные: а) управления всесоюзных и республиканских промышленных объединений; б) исполнительные и распорядительные органы местных Советов народных депутатов; в) комитеты народного контроля, образуемые местными Советами; г) отделы и управления исполкомов местных Советов; д) органы управления на местах, не подчиненные местным Советам; 5) органы непосредственного руководства предприятиями, учреждениями и организациями.

Некоторые ученые понятие «ведомство» рассматривают в широком смысле, включая в него государственные комитеты и даже министерства¹. Такой подход в отдельных случаях наблюдается и в законодательной практике², что вносит путаницу в установленные Конституцией СССР понятия и, конечно, ей противоречит. Думается также, что ведомства следует рассматривать в качестве отдельного вида в системе органов советского государственного управления. Министерства и государственные комитеты названы в законах о советах министров центральными органами не потому, что они находятся в центре, занимают верхнюю ступень в иерархии органов своей системы, а потому, что их правовое положение иное, более высокое по сравнению не только с им подчиненными органами, но и ведомствами. Отдельные ведомства могут при наличии определенных обстоятельств перерасти в центральные органы управления. Ведомства—комплексное понятие, включающее ряд органов государственного управления, состоящих при советах министров.

Представляется неправильным относить к группе местных органов административную предприятий, учреждений и организаций. Местные органы государственного управления призваны учитывать специфику мест, интересы населения данной местности. Они выступают в качестве опорных пунктов центра по выполнению общегосударственных задач, по непосредственному вовлечению трудящихся в осуществление хозяйственного и социально-культурного строительства. Эти черты не свойственны органам непосредственного руководства, т. е. администрации предприятий, учреждений и организаций, поэтому их следует выделить в отдельную группу органов советского государственного управления.

Спорным остается и вопрос о том, входят ли в систему органов государственного управления государственный арбитраж и комитеты народного контроля. По нашему мнению, государственный арбитраж представляет собой специальную систему органов управления народным хозяйством и относится к группе ведомств.

Несколько иное положение с органами народного контроля. Их роль и значение в государственном механизме в последнее время значительно повысились. Органы народного контроля стоят как бы над управленческим аппаратом, исключая лишь органы государственного управления общей компетенции. Деятельность органов народного контроля в определенной части распространяется и на суд, прокуратуру, органы МВД, кроме их основной работы—отправления правосудия и осуществления прокурорского надзора. Комитеты народного контроля образуются Советами народных депутатов и только им подотчетны во всей своей деятельности. Все это, несомненно, свидетельствует о их несколько ином правовом положении по сравнению, например, с отраслевыми органами государственного управления. Между тем, здесь нельзя не видеть того, что Комитет народного контроля СССР, комитеты народного контроля республик находятся в подчинении соответствующих советов министров. Советы министров осуществляют руководство ими. Конечно, это руководство отличается от руководства советами министров иными центральными органами и ведомствами, однако оно является неоспоримым доказательством того, что Комитет народного контроля СССР, комитеты народного контроля республик действуют не па-

раллельно с правительствами, а под их наблюдением и контролем. Советы министров в работе по контролю за деятельностью подведомственных органов опираются на комитеты народного контроля и направляют их работу. Комитет народного контроля СССР, комитеты народного контроля республик обязаны систематически докладывать о своей деятельности соответствующим советам министров.

Структура и численность работников аппарата Комитета народного контроля СССР, а также общая штатная численность работников комитетов народного контроля утверждаются Советом Министров СССР. Структура и штаты нижестоящих комитетов народного контроля в пределах общей численности работников народного контроля утверждаются советами министров союзных республик по согласованию с Комитетом народного контроля СССР. Совет Министров СССР регламентирует порядок деятельности органов народного контроля в оборонной промышленности и в Вооруженных Силах СССР. Следовательно, комитеты народного контроля являются специальными органами государственного управления и не представляют собой самостоятельной системы органов государства³ наравне с органами государственного управления, суда и прокуратуры. Они входят в систему органов государственного управления, но на правах самостоятельных подразделений.

Итак, федерализм является руководящим принципом в построении системы органов советского государственного управления и в определении их правового положения.

¹ См.: Органы Советского общенародного государства.— М., 1979, с. 247.

² См.: Положение о Министерстве по производству минеральных удобрений.— СП СССР, 1981, № 23, с. 147, ст. 6, п. «ж», «з».

³ См.: Органы Советского общенародного государства, с. 247.

Е. С. ЧЕБУРАНОВА

О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО УПОРЯДОЧЕНИЯ МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ СССР

XXVI съезд КПСС, выдвигая широкую программу социального развития и повышения народного благосостояния, на первый план поставил задачу—улучшить снабжение населения продуктами питания. В соответствии с решениями съезда майский (1982) Пленум ЦК КПСС принял важнейший документ—Продовольственную программу СССР на период до 1990 года. Пока еще спрос на продукты питания обгоняет их производство. Как отмечалось на пленуме, одной из причин такого положения является снижение численности людей, непосредственно занятых в аграрном секторе экономики, ростом городского населения¹. Поэтому выполнение комплекса задач, поставленных майским Пленумом ЦК КПСС, будет во многом зависеть от решения проблемы сельских кадров, так как в ряде районов миграция населения, особенно трудоспособного, происходит такими высокими темпами, что возникает дефицит трудовых ресурсов в сельской местности. Причем в последнее время миграция сельского населения приобретает все более нерациональный характер. Люди уходят главным образом из тех районов, где не хватает рабочей силы, и в то же время не мигрируют из тех районов, где имеются избытки трудовых ресурсов. В настоящее время в БССР интенсивность притока сельских жителей в города в расчете на одну тысячу сельского населения самая высокая по сравнению с другими союзными республиками—26,4 человека. По принятой типологии Витебская, Гомельская и Могилевская области характеризуются как зоны с сильным миграционным оттоком населения, в основном молодежи². Возникают поселки, где живут почти исключительно старики, не принимающие участия в общественном производстве, но нуждающиеся в социальном обеспечении, материальном снабжении, медицинской помощи. Поэтому необходимы незамедлительные меры по упорядочению миграции населения этих районов в города и другие регионы страны.

В ходе социалистического и коммунистического строительства происходит возрастание роли социалистического права, обусловленное необходимостью решения задач коммунистического строительства в условиях научно-технической революции и все более усложняющихся, динамичных отношений. Однако, чтобы право могло эффективно воздействовать на мигра-

ционные процессы в нужном для общества направлении, необходим тщательный учет в правовых установлениях наиболее значимых факторов, влияющих на данный процесс. Все факторы, оказывающие воздействие на миграцию сельского населения, в научной литературе делят на три группы: 1) неуправляемые обществом природно-географические факторы-условия; 2) непосредственно неуправляемые, но косвенно регулируемые факторы-условия; 3) непосредственно управляемые факторы-регуляторы³. Такая классификация имеет свои основания. Однако при выявлении эффективности воздействия права на миграционные процессы важен не столько характер тех обстоятельств, которые сами по себе являются управляемыми, полуправляемыми или неуправляемыми, сколько сила их влияния на поведение людей, которая в конечном счете порождает миграцию. При этом необходимо учитывать весь комплекс факторов, механизм взаимодействия всех сил, влияющих на интересы людей, непосредственно предопределяющие их миграцию, реально сложившуюся демографическую ситуацию. В частности, в нашей республике, несмотря на сокращение направления сельской рабочей силы по организованному набору, некоторые фабрики, заводы, стройки все еще привлекают рабочую силу из села, особенно молодежь, в которой так нуждаются колхозы.

Некоторые меры по прямому регулированию миграции оказались малоэффективными. К ним можно отнести действующее ныне постановление Совета Министров СССР от 31 мая 1973 года «О льготах по переселению»⁴, поскольку число переселившихся в сельскохозяйственные производства, нуждающиеся в рабочей силе, с каждым годом уменьшается. Поэтому прямое регулирование должно сочетаться с косвенным воздействием. Так, Продовольственная программа намечает повышение закупочных цен на отдельные виды сельскохозяйственной продукции, ибо чем выше доходы населения, тем меньше интенсивность миграции. Проблема закрепления кадров начинается с условий труда. Вместе с улучшением условий сельскохозяйственного труда одним из направлений рационализации миграционных потоков может быть формирование несельскохозяйственной сферы приложения труда в самой деревне.

Среди экономических мероприятий, призванных сократить миграцию сельского населения, ведущую роль играют денежные выплаты в виде надбавок к заработной плате, единовременные пособия. Именно это предусмотрено постановлением ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дополнительных мерах по закреплению в колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных предприятиях работников, занятых в животноводстве», майским (1982) Пленумом ЦК КПСС⁵. Вместе с тем повышение денежных доходов еще не всегда означает возможность свободно, в соответствии со своими потребностями, реализовать эти доходы, приобретая необходимые предметы потребления и услуги. Многие зависят еще от того, насколько полно обеспечиваются жители комфортабельными квартирами, услугами магазинов, столовых и т. д. Следовательно, экономические мероприятия должны охватывать и развитие материальной базы, и организацию предприятий и учреждений инфраструктуры. На такое развитие отношений и ориентирует Продовольственная программа: «Учитывая важность закрепления кадров в колхозах и совхозах, Госплану СССР и советам министров союзных республик изыскивать при разработке годовых и пятилетнего планов дополнительные средства на непроизводственное строительство в колхозах и совхозах, с тем чтобы увеличить ввод в эксплуатацию благоустроенных жилых домов и объектов культурно-бытового назначения в сельской местности»⁶.

Решение проблемы закрепления молодежи на селе и привлечения квалифицированных кадров в сельскую местность заключается в совершенствовании сельского труда и быта. И здесь свою роль должно сыграть право. Необходимо более активное государственно-правовое вмешательство в миграционные процессы. Поэтому заслуживает внимания предложение об издании специального нормативного акта, посвященного вопросам регламентации отношений, порождаемых миграцией сельского населения.

¹ Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации: Материалы майского Пленума ЦК КПСС.— М., 1982, с. 8—9.

² См.: Социально-демографическое развитие села.— М., 1980, с. 150.

³ См.: Миграция сельского населения.— М., 1970, с. 59.

⁴ См.: СП СССР, 1973, № 13, ст. 20.

⁵ Продовольственная программа СССР., с. 109.

⁶ Там же, с. 58.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОСНОВА УПРАЗДНЕНИЯ ИНСТИТУТА ВЫСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КУБА

В 1902 году родилась неокOLONиальная Республика Куба. Сложным в ней был жилищный вопрос. Жилищный кризис обострялся из-за постоянной миграции сельского населения в города, которая вызывалась: а) низкой занятостью сельского населения в условиях экстенсивного характера сельскохозяйственного производства и сокращением площади обрабатываемых земель; б) низкой зарплатой в сельском хозяйстве и относительно высокой зарплатой в городах; в) циклическим характером сахарного производства.

Концентрация населения в городах порождала явление городской скученности. Так, если в 1899 году в городах Кубы на один дом приходилось 5,3 человека, в 1907 году 5,8, то в 1919 году уже 7,6 человека¹. Жилищная проблема обострялась также стремительным ростом квартплаты. Это связано с тем, что жилищное строительство осуществлялось за счет частных капитальных вложений. В 1910—1945 годах государство построило только два жилищных комплекса в Гаване с несколькими тысячами квартир. В то же время за 1936—1957 годы частные капиталовложения в жилищное строительство составили 800 млн. песо². На эти деньги возводились в основном роскошные особняки и дачи.

Жилищные отношения регулировались в неокOLONиальной Республике Куба так называемым Законом гражданского следствия, который защищал интересы буржуазии. Этот закон помогал буржуа-домовладельцам выселять квартиросъемщиков. Так, в судебном округе Гавана в 1957 году 61,47 % судебных дел завершались выселением, а в 1958 году количество их возросло до 62 %³.

В 1953 году на судебном процессе по делу участников штурма казармы Монкада Фидель Кастро назвал жилищную проблему одной из наиболее трудных в стране. «На Кубе насчитывается 200 тыс. лачуг и хижин, 400 тыс. семей в деревне и городе живут в бараках, в трущобах, где отсутствуют элементарные санитарные условия, 2200 тыс. городских жителей платят за квартиры от пятой до третьей части своих доходов, 2800 тыс. человек, проживающих в деревнях и в городских пригородах, не имеют электрического освещения»⁴.

Победа Кубинской революции в январе 1959 года открыла путь для решения жилищной проблемы трудящихся. Законом революционного правительства от 10 марта 1959 года значительно снижалась плата за жилье. Среди последующих мер, направленных на ликвидацию частной собственности на жилье, следует назвать закон о городской реформе от 14 октября 1960 года⁵. Этим законом институт выселения квартиросъемщиков в Республике Куба был упразднен. Закон о городской реформе был дополнен законом об участках недвижимого имущества⁶.

Оба законодательных акта благоприятствовали городским и сельским нанимателям. Тысячи из них через определенный срок превратились в собственников. Революционное правительство определяло также возмещение убытков мелким арендаторам. Закон о городской реформе влиял на характер и ориентацию сектора строительства в республике. С ликвидацией частной монополии строительных обществ создавалась база для строительства больниц, жилищ, промышленных объектов, дорог, способствующая развитию нового социалистического общества. Этот закон способствовал также ликвидации буржуазного крупного недвижимого имущества.

¹ См.: Comité Estatal de Estadísticas. Censo de Población y Viviendas.— La Habana, 1981, p. 11.

² См.: Revista del Banco Nacional de Cuba.— La Habana, 1958, p. 5.

³ См.: El Ministerio de Justicia: sus funciones.— La Habana, 1975, p. 8.

⁴ Кастро Ф. История меня оправдает.— Гавана, 1981, с. 91.

⁵ См.: Gaceta Oficial de la República de Cuba, 1960, 14 de octubre.

⁶ См.: Ibidem.

На кафедрах грамадскіх навук

Л. Е. ЗЕМЛЯКОВ, А. М. ПУСТОХОД

КОНКУРСЫ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ— ВАЖНОЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Одним из эффективных средств активизации самостоятельной работы студентов, формирования их идейной убежденности и научного мировоззрения стали с 1966 года Всесоюзные конкурсы студенческих работ по общественным наукам, истории ВЛКСМ и международного молодежного движения. За последние годы участие студентов в реферативной работе и Всесоюзных конкурсах приобрело поистине массовый характер. Если в I Всесоюзном конкурсе (1966—1967) участвовало всего 86 тыс. чел., то в IX Всесоюзном конкурсе (1982) участвовало только от нашей республики более 108 тыс. (98,2 %) студентов, обучавшихся на дневных отделениях. Расширилось участие в конкурсе студентов вечернего и заочного обучения, а также иностранных студентов, обучающихся в вузах БССР. Массовое участие студенчества в IX конкурсе—результат большой работы кафедр общественных наук и комсомольских организаций, оргкомитетов конкурса. Из почти 1400 вузовских обществоведов научное руководство в ходе IX конкурса осуществляли 1265 преподавателей, среди которых 49 докторов наук, профессоров, 741 кандидат наук, доцент. Участники конкурса, как правило,—активисты-общественники. Они часто выступают с лекциями и докладами перед своими товарищами, а также на предприятиях и стройках, в колхозах и совхозах, особенно в период производственной практики и трудового семестра. В период IX конкурса они прочитали 85.428 лекций.

Областные и Минское городское жюри отобрали для участия в третьем туре конкурса 178 работ. В том числе: по истории КПСС, ВЛКСМ и международного молодежного движения—56 работ, по философии—34, политэкономии—57 и по научному коммунизму—31 работа. 82 из представленных работ получили отличные оценки, 80—хорошие и 16—удовлетворительные. При оценке работ учитывались: актуальность темы, теоретический уровень, умение автора увязать вопросы теории с современностью, умение пользоваться трудами К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, основополагающими материалами и документами нашей партии и братских марксистско-ленинских партий, новейшей литературой по теме; самостоятельность автора в постановке вопросов и трактовке их, его умение интерпретировать буржуазные, реформистские и ревизионистские взгляды и теории. Естественно учитывались и оформление работы, объем, планирование, содержательность.

По итогам третьего тура Всесоюзного конкурса на базе Белорусского политехнического института проведена Республиканская студенческая научная конференция «Общественные науки—основа формирования идейной убежденности будущих специалистов». Республиканский оргкомитет рекомендовал на IV заключительный тур Всесоюзного конкурса 45 работ, в том числе 10 по историко-партийной тематике, 9—по философии, 10—по политэкономии, 10—по научному коммунизму, 6—по истории ВЛКСМ и международного молодежного движения.

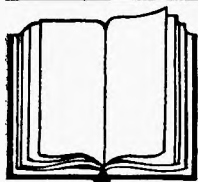
Жюри IX Всесоюзного конкурса наградило 43 студентов из 19 белорусских вузов дипломами I, II, III степени и почетными грамотами. Среди лауреатов 18 студентов-иностранцев. Наибольшее число награжденных за отличные работы—это студенты Белорусского политехнического института (17), БГУ имени В. И. Ленина (14), Минского пединститута имени А. М. Горького (8), Белорусского института народного хозяйства (7), Белорусского технологического института (2), Белорусского инженерно-строительного института (3), Минского радиотехнического института (2), Белорусского института механизации сельского хозяйства (2), Белгосконсерватории (2), Белорусской сельскохозяйственной академии (2). По одной оценке «отлично» получили студенты Гомельского университета, Минского государственного пединститута иностранных языков, Могилевского технологического института, Белорусского института инженеров железнодорожного транспорта, Могилевского пединститута.

Всесоюзные конкурсы по общественным наукам, родившиеся как форма внеучебной работы, стали неотъемлемой частью учебно-воспитательного процесса в вузах. Их авторитет и растущая значимость связаны с повышением требований к уровню марксистско-ленинской подготовки современного специалиста и возрастанием удельного веса самостоятельной работы студентов. Они отражают тягу студенческой молодежи к глубокому и творческому изучению марксистско-ленинской теории и практики, а также ее интерес к тем формам обучения, которые способствуют повышению личной активности и научного потенциала. Конкурсы способствуют оптимизации всего учебно-воспитательного процесса и дают возможность сочетать массовость с дифференцированным подходом к аудитории, с учетом индивидуальных особенностей каждого студента. В наше время это насущная необходимость. Именно на такой подход к учебно-воспитательной работе ориентируют материалы XXVI съезда КПСС. Каждый студент, участник конкурса, может попробовать свои силы в науке, помериться со сверстниками своими знаниями, умением с позиций марксистско-ленинской методологии оценивать общественные явления и собственную деятельность, продемонстрировать свои научные и пропагандистские способности, и, главное, ощутить реальные результаты своей работы с первоисточниками. В то же время конкурсы представляют возможность студенту, начиная с первого курса, включиться в научный поиск и работать с полной отдачей сил в условиях тесного контакта и научного сотрудничества с преподавателями.

Совместная работа преподавателя и студента представляет собой не что иное, как наставничество в условиях высшей школы. Студенту, работающему над рефератом, несравненно легче овладеть навыками и приемами активной самостоятельной работы, культурой научного мышления и правильно ориентироваться в потоке информации. Даже проблемное, строго логичное и глубоко аргументированное изложение преподавателем учебного материала на лекциях, как известно, зачастую оказывается недостаточным. Нужно, чтобы сам студент, вооруженный теоретическими знаниями, самостоятельно изложил изученный материал. Так можно пробудить у студентов сознательный и устойчивый интерес к общественным наукам, воспитывать творческий подход к изучению марксистско-ленинской теории.

Всесоюзные конкурсы—это не только новая и перспективная, но и довольно сложная форма комплексного обучения и воспитания будущего специалиста. Во многих «звеньях» она подчас «буксует», порой работает с перебоями, неритмично. Сохраняются кустарность, стихийность и разноречивость в руководстве конкурсами. До сих пор не найден оптимальный вариант внутривузовского механизма управления конкурсами, нет ясности по вопросам состава, задач и функций общестуденческого оргкомитета, кафедральных и комсомольских конкурсных жюри.

Профессиональное мастерство будущих специалистов в решающей степени зависит от их мировоззрения, научной эрудиции, высокой нравственной и политической культуры, умения творчески, самостоятельно мыслить и активно отстаивать свою жизненную позицию. Всесоюзные конкурсы, наряду с другими формами вузовского обучения и воспитания, играют особую роль в формировании всех этих черт современного специалиста.

Рэцэнзіі

В. А. Бобков. Партия Ленина — сила народная. — Минск: Беларусь, 1982. — 223 с.

Рецензируемая книга представляет удачную попытку в доходчивой форме рассказать читателю о революционной, экономической, политической и социальной деятельности Коммунистической партии. Как высшая форма политической организации рабочего класса Коммунистическая партия на основе творческого освоения марксизма-ленинизма разрабатывает стратегию и тактику укрепления общества реального социализма, политической системы советского государства. Отсюда вытекает закономерность возрастающей роли Коммунистической партии в процессе продвижения социалистического общества к коммунизму. Эту важнейшую теоретическую концепцию автор раскрывает, исходя из постоянного усложнения общественных и естественно-научных задач, стоящих перед человечеством, необходимости активного освоения новыми поколениями социального опыта, реальной возможности Коммунистической партии аккумулировать и целенаправить энергию трудящихся масс по пути дальнейшего развития коммунистической формации.

Читатели с особым вниманием прочтут те разделы книги, в которых раскрывается ленинский стиль партийной работы. Творческий подход к явлениям общественной жизни, повседневное внимание к нуждам и запросам людей является основным стержнем в прочной связи партии и народа. В содержание книги органично входят эпизоды, в которых раскрываются особенности личного общения **В. И. Ленина** как государственного и партийного деятеля с трудящимися страны и Белоруссии. Внимание, глубокая заинтересованность вождя в больших и малых делах рабочих и крестьян сливалась в одну общегосударственную заботу о человеке. Ле-

нинский стиль общения с массами весьма поучителен и современен. Единство партии и народа имеют большое значение для дальнейшего повышения общественной активности людей. Решения КПСС являются руководством к действию для всех партийных организаций, как свое кровное дело их воспринимает каждый советский человек. Автор показывает это на ярких примерах, основные доказательства приводит из современной жизни и деятельности коммунистов, партийных организаций заводов, колхозов, учреждений республики.

Монография «Партия Ленина — сила народная» в соответствии с документами партии, в частности постановлением ноябрьского (1982) Пленума ЦК КПСС, ориентирует читателей, особенно молодежь, на глубокое освоение исторического опыта Коммунистической партии как важного фактора формирования подрастающего поколения, призванного продолжить успешное продвижение советского общества к коммунизму.

О. Г. Слука

И. И. Зубов. Рост производительной активности труженников села (1965—1980). — Минск: Изд-во БГУ, 1982. — 189 с.

В рецензируемой книге автор, анализируя работу Компартии Белоруссии по совершенствованию руководства сельским хозяйством после мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС, раскрывает роль партии, ее местных органов в укреплении материально-технической базы колхозов и совхозов как важнейшего условия роста производительной активности труженников села. Методологически это вполне оправдано. Ведь процесс развития творческой активности труженников села на этапе зрелого социализма происходит в условиях научно-технической революции. И в книге пока-

зано, что научно-техническая революция внесла принципиальные изменения в способы ведения сельского хозяйства, которое требует постоянного технического обновления, оснащения мелиоративными системами, обеспечения химическими средствами, применения прогрессивной технологии и т. д. Автор выделяет два важнейших направления деятельности партийных организаций Белоруссии по руководству укреплением материально-технической базы колхозов и совхозов республики. Первое — эффективное освоение государственных капитальных вложений в аграрный сектор республики. В условиях зрелого социализма КПСС взяла курс на неуклонное наращивание средств, направляемых на развитие сельского хозяйства. Второе направление деятельности Компартии Белоруссии по руководству укреплением материально-технической базы колхозов и совхозов — развитие шестства городов, промышленных предприятий над колхозами и совхозами.

На большом фактическом материале раскрываются формы и методы партийного руководства укреплением материально-технической базы колхозов и совхозов, показано, что это способствовало дальнейшему развитию производственной активности масс на селе, рождению и внедрению в сельскохозяйственное производство более рациональных и эффективных методов труда. Многие из начинаний тружеников белорусской деревни были одобрены ЦК КПСС, ЦК Компартии Белоруссии, обкомами, райкомами партии. Так, в январе 1974 года ЦК КПСС одобрил начинания механизаторов республики, развернувших соревнование за высокопроизводительное использование техники. Этот опыт получил широкое распространение в стране.

В книге проводится мысль, что интенсификация сельскохозяйственного производства, его техническое перевооружение являются в современных условиях решающими факторами, определяющими темпы его развития. В монографии показано, что специализация и концентрация производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции позволяют еще выше поднять творческую активность колхозников и рабочих совхозов. И. И. Зубов исследует формы партийного руководства профессиональной подготовкой колхозно-совхозных кадров в условиях научно-технической революции. Обобщая деятельность партийных организаций республики, автор делает вывод, что рост профессионального уровня колхозников и рабочих совхозов в значительной мере способствовал повышению производственной активности тружеников села: 90 % из них соревнуется за досрочное выполнение производственных планов, каждый пятый — участник движения за коммунистическое отношение к труду, более 70 % — ак-

тивно управляют производственными делами.

Специальная глава посвящена исследованию вопросов совершенствования стиля работы партийных комитетов и организаций республики по развитию творческой активности масс на селе в условиях проведения курса партии на обеспечение устойчивого подъема сельского хозяйства, преобразования сельскохозяйственного труда, изменения самого облика советской деревни. Важнейшим направлением совершенствования организаторской работы Компартии Белоруссии, подчеркивается в монографии, является повышение роли сельских райкомов партии как органов политического руководства на селе, усиление деятельности первичных партийных организаций колхозов и совхозов в развитии производственной активности тружеников деревни. Особый акцент сделан на раскрытии форм и методов партийного руководства производственной активностью колхозников и рабочих совхозов с учетом комплексного подхода к решению проблем интенсификации сельскохозяйственного производства. Раскрывается деятельность Центрального Комитета КПСС, ЦК Компартии Белоруссии по руководству сельскими райкомами партии, усиление их влияния на развитие производственной активности колхозников и рабочих совхозов. Обстоятельно освещается работа обкомов, райкомов, первичных и цеховых партийных организаций, партгрупп по подготовке и переподготовке колхозно-совхозных кадров.

Автор анализирует деятельность партийных комитетов и организаций республики по развитию производственной активности масс на селе в условиях специализации и концентрации сельскохозяйственного производства. В книге обобщаются формы и методы партийной работы, которые наиболее эффективно воздействуют на воспитание активной жизненной позиции колхозников и рабочих совхозов. В частности, показана роль советов секретарей партийных организаций в сельских районах, раскрываются формы партийного руководства социалистическим соревнованием хлеборобов и животноводов за повышение эффективности и качества работы, за конечные результаты труда.

Правда, не все вопросы освещены в книге с одинаковой полнотой и глубиной. Говоря о совершенствовании организационно-партийной работы, автор почему-то не раскрывает значение идеологической деятельности партийных организаций. Не совсем обозначен подход к рассмотрению проблем дисциплины и прежде всего трудовой. В работе использован богатый фактический материал. К сожалению, в некоторых случаях он доводит над автором, уводит его от проблемного подхода к описательности, к перечислению примеров, цифр, документов.

Встречаются и стилистические погрешности.

В целом же книга И. И. Зубова представляет собой серьезное исследование форм и методов партийного руководства творческой активностью масс на селе в условиях зрелого социализма. Монография имеет солидный научно-справочный аппарат, хорошо оформлена. Она полезна преподавателям, партийным работникам, пропагандистам, широкому кругу читателей.

В. К. Коршук

М. П. Квочкин. Сближение города и деревни в условиях социалистического содружества.— Минск: Изд-во БГУ, 1982.— 206 с.

Работа М. П. Квочкина интересна и полезна для широкого круга читателей двумя моментами: во-первых, она глубоко раскрывает многогранный процесс сближения города и деревни на примере одной из социалистических стран—Болгарии. Обращение к конкретному примеру позволяет рельефнее увидеть особенности и общую основу этого процесса в странах социализма, поскольку сближение города и деревни в них—процесс не только объективный и сложный, но и длительный; во-вторых, в монографии раскрываются предпосылки ускорения этого процесса на основе использования богатого опыта других стран, взаимной экономической и политической поддержки.

Обращение к примеру Болгарии в работе, предназначенной для советского читателя, не случайно. Дело в том, что как в России, так и в Болгарии к моменту победы социалистической революции были сходные условия возникновения и углубления противоположности между городом и деревней. Они определялись тем, что деревня нещадно эксплуатировалась не только национальной буржуазией, но и капиталом развитых капиталистических стран. Как отмечает автор, иностранный капитал, действуя «чисто колониальными» методами, выступил соучастником болгарской буржуазии в ограблении деревни ковенно—путем предоставления кабальных займов, что имело место и в России.

Автор отмечает, что международный характер противоположности между городом и деревней предполагает и интернациональное ее преодоление. На основе индустриализации экономики при братской помощи Советского Союза и других социалистических стран в Болгарской Народной Республике возник и стал быстро развиваться народнохозяйственный аграрно-промышленный комплекс (АПК). В работе дан обстоятельный анализ экономических условий сближения города и деревни. Имеется в виду развитие отношений социалистической соб-

ственности. Эту проблему автор решает широко. С одной стороны, он показывает, какое воздействие оказывает международная социалистическая экономическая интеграция на развитие отношений собственности. В этом, пожалуй, наиболее четко проявляется особенное в преодолении различий между городом и деревней в европейских странах, где социалистическая революция совершилась после второй мировой войны. А с другой—раскрывает формы сближения и слияния государственной и кооперативной собственности в процессе формирования национального аграрно-промышленного комплекса внутри стран, в данном случае в Болгарии. Вполне логично подходит автор и к рассмотрению вопросов стирания различий между рабочим классом и крестьянством прежде всего в самом главном и определяющем — в отношении к средствам производства.

Книга завершается анализом проблем выравнивания культурно-бытовых условий городского и сельского населения. Здесь излагаются две проблемы: формирование систем поселений на основе коренного преобразования облика города и деревни, а также развитие комплексности в культурно-бытовом обслуживании их населения. Болгарский опыт в решении этих проблем может быть использован и в нашей стране. Поэтому монография М. П. Квочкина представляет не только научный, но и практический интерес, особенно сейчас, когда в соответствии с решениями майского и ноябрьского (1982) пленумов ЦК КПСС социальные проблемы развития села выступают определяющими факторами развития социалистического сельского хозяйства.

В. А. Кулаженко

В. Г. Тихиня, В. В. Тихонова и ч. Как обжаловать постановления суда по гражданским делам.— Минск: Изд-во БГУ, 1981.— 110 с.

Рецензируемая работа рассчитана на массового читателя. В ней в доступной форме, с использованием материалов судебной практики и новейшего законодательства освещается ряд институтов гражданского процессуального права. В первой главе основное внимание уделяется сущности и значению судебного решения, его содержанию, законной силе, требованиям, которым должно удовлетворять решение суда и устранению его недостатков. Вопросы обжалования и опротестования судебных постановлений, не вступивших в законную силу, освещаются во второй главе. Третья и четвертая главы посвящены пересмотру судебных решений, определенных и постановлений в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам. Соответственно рассматриваются сущность

и значение указанных стадий гражданского процесса, круг лиц, уполномоченных к возбуждению процесса, основания к отмене в порядке надзора судебных решений и к пересмотру судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам и др. Авторы характеризуют надзорное производство как самостоятельную стадию гражданского процесса и показывают его отличие от кассационного производства. Подчеркивая глубокий демократизм советского гражданского судопроизводства, доступность судебной формы защиты права широкому кругу трудящихся, авторы указывают на принципиальное отличие его от гражданского судопроизводства капиталистических государств.

Вместе с тем не все затронутые в работе вопросы освещены полно. Некоторые суждения носят дискуссионный характер. Авторы правильно отмечают, что решение суда выполняет правоохранительную функцию, имеет воспитательное значение (с. 7). Однако, поскольку речь идет о сущности и значении судебного решения, следовало бы показать роль и значение судебной практики в развитии и совершенствовании законодательства. В гражданском процессе не допускается вынесение судом альтернативных решений (с. 14). Не объяснено, почему не допускаются подобные решения, ничего не сказано о существовании промежуточных решений, которые имеют место на практике.

Среди видов определений суда первой инстанции (с. 22) авторы не выделяют заключительных определений, которыми разрешается спор без вынесения решения (например, определение суда об утверждении мирового соглашения и прекращения производства по делу и др.). Относить подобные определения к пресекательным вряд ли правильно. Проверка законности и обоснованности судебных решений осуществляется вышестоящими судами по имеющимся в деле и дополнительно представленным материалам. Указывается на роль и назначение дополнительных материалов, по чьей инициативе осуществляется их собирание. Думается, что авторам следовало бы показать, что считают дополнительными материалами в судебной практике, являются ли эти материалы доказательствами по делу. Анализируя вопросы пересмотра судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам, следовало бы более четко указать, кто из должностных лиц суда, осуществляющих судебный надзор, уполномочен на принесение представления.

Отмеченные недостатки ни в коей мере не умаляют достоинства работы, которая будет полезна работникам правоохранительных органов, студентам юридических вузов, всем, кто интересуется правовыми проблемами.

Ю. И. Лутченко

Э. М. Загорулский. Возникновение Минска.—Минск: Изд-во БГУ, 1982.—358 с.

Советская белорусская археология обогатилась новым фундаментальным трудом, посвященным начальному этапу истории столицы нашей республики—городу Минску. Рецензируемая монография является обобщающим исследованием по ряду сложных и спорных вопросов, связанных с возникновением Минска. Прежде всего отметим, что многие археологи высказывали, а некоторые и до сих пор утверждают, что летописный Минск первоначально располагался за пределами современного города на реке Менке и в 1066 году был разгромлен Киевским князем Изяславом, после чего перенесен на реку Свислочь. На основе тонкого сопоставления летописных данных о древнем Минске, всестороннего рассмотрения материалов, добытых в результате археологических раскопок поселения на Менке и их обстоятельного хронологического анализа, автор книги приходит к выводу, что нет оснований связывать это поселение с летописными известиями о Минске второй половины XI века. Более того, материал раскопок показывает, что жизнь поселения на Менке прекратилась задолго до того, как на страницах летописи появилось упоминание о Минске.

В монографии использованы не только письменные источники различных типов и сохранившиеся описания остатков древних оборонительных сооружений Минска, исторических планов конца XVIII века, но в первую очередь материалы археологических раскопок, которые велись в послевоенные годы в три этапа: в 1945—1951 годах их возглавлял В. Р. Тарасенко, в 1957—1961—Э. М. Загорулский. Третий начался в 1974 году. До Великой Отечественной войны археологические раскопки на территории Минска, по существу, не были начаты. По данным послевоенных раскопок ученые установили, что в Минске уже в XI веке существовала крепость, в которой укрылись минчане при подходе войск Ярославичей в 1067 году. Ядром города, частью его укрепленного района было Минское замчище. На основе данных археологических исследований автору книги удалось решить два очень важных вопроса: во-первых, что вал, о котором сообщают источники XV—XIX веков, является валом летописного Минска. Обнаружилось, что начало возведения вала хронологически и стратиграфически связано с самыми ранними слоями замчища, которые датируются второй половиной XI века. Во-вторых, установлена территория укрепленной части города, его детинца, который занимал площадь в три гектара. Минская крепость отвечала всем требованиям фортификации того времени. Э. М. Загорулский опровергает точку зрения о возникновении

Минска из предшествовавшего ему сельского поселения или боярской усадьбы. Он убедительно доказывает, что Минск возник как военное поселение, как южная порубежная крепость Полоцкого княжества.

Древний Минск, подобно другим средневековым городам, состоял из двух частей: укрепленного замка и посада, в котором жило ремесленное и торговое население. Археологический материал свидетельствует о высоком уровне материальной культуры древнего Минска. В городе были развиты многочисленные ремесла. Материалы Минского замчища демонстрируют высокий уровень кузнечного и слесарного дела, общность путей развития железоделательного ремесла с другими городами Руси. Кузнецы Минска умели варить сталь, сваривать ее с железом, знали термическую обработку, владели приемами холодной обработки черного металла. Значительного развития достигли в Минске ювелирное дело, деревообработка, керамика, кожевенное производство и косторезное дело. Ремесло базировалось преимущественно на труде свободных ремесленников, составляющих основную часть городского населения.

Хочется подчеркнуть высокий исследовательский уровень книги Э. М. Загорюльского. Об этом говорит многообразие научных методов, применяемых автором: сравнительно-исторический и структурно-логический, статистический и ретроспективный. Хронологические и стратиграфические наблюдения, биологический и микроструктурный анализы отдельных изделий, произведенные в различных лабораториях БГУ имени В. И. Ленина и физико-техническом институте АН БССР, остеологическое изучение костей из раскопок дали возможность автору монографии сделать убедительные и достоверные выводы и обобщения.

Книга богато иллюстрирована: 190 рисунков, 16 таблиц, два приложения. Если к этому добавить великолепное полиграфическое оформление книги, то можно с полным основанием утверждать, что она издана на уровне мировых стандартов. Монография Э. М. Загорюльского несомненно окажет существенную помощь научным работникам, студентам-историкам, краеведам. Ее с интересом прочтут любители отечественной истории.

Я. Н. Мараш

Н. М. Жилинский. Социалистическое соревнование на селе: Из опыта работы Компартии Белоруссии по развитию трудовой активности сельских тружеников (1966—1980 гг.).— Минск: Беларусь, 1982.—207 с.

В монографии убедительно показано, что в 70-е годы социалистическое соревнование за повышение культуры земледелия и животноводства,

досрочное выполнение планов и обязательств получило дальнейшее развитие, обогатилось новым опытом. Широко распространилось движение «Зерновому полю—«Знак качества», инициаторами которого выступили коммунисты колхоза «Прогресс» Гродненского района. Работники животноводства настойчиво боролись за увеличение надоев молока, привесов скота. Среди коллективов птицеводческих предприятий соревнование развернулось под девизом «Пятилетку—за четыре года!».

Автор анализирует методику подведения итогов республиканского социалистического соревнования областей, районов, колхозов и совхозов за лучшие результаты производственно-экономической деятельности, которая была введена с 1 августа 1971 года, рассматривает работу партийных комитетов КПБ по совершенствованию организации труда в сельском хозяйстве. Широкое применение комплексных бригад, создание производственных участков и механизированных звеньев способствовало экономическому стимулированию и росту материальной заинтересованности сельских тружеников. В монографии широко освещается организация межреспубликанского соревнования трудовых коллективов села, которое особенно рельефно проявилось в 70-е годы в трудовом соперничестве народов-братьев Белоруссии и Литвы. Соревнование трудящихся союзных республик благодаря четкой политической направленности превратилось в важный фактор не только экономического, но и социального развития.

На наш взгляд, содержащиеся в книге глубокие выводы и обобщения, интересные практические рекомендации по совершенствованию организации соревнования несомненно окажут большую помощь партийным организациям, руководящим кадрам села в мобилизации сельских тружеников на осуществление Продовольственной программы страны.

**Ю. Л. Казаков,
В. И. Медяник**

Йордан Тончев. За свобода и хляб. (Участие на РМС в във въоръжената борба—1941—1944 г.)—София: Военно издателство, 1982.—267 с.

Активный участник борьбы против фашизма, доцент Софийского университета Йордан Тончев не впервые обращается к истории революционного молодежного движения в Болгарии. Новую монографию он посвятил исследованию роли Рабочего молодежного союза (РМС) в развитии вооруженного антифашистского движения в 1941—1944 годах. В ней, как в летописи, повествуется о героических делах и подвигах тысяч юных патриотов, многие из которых, как Лиляна

Димитрова, Йорданка Николова, Свилен Русев, Александр Димитров, отдали жизнь за свободу Болгарии.

Йордан Тончев выделяет основные направления революционной деятельности РМС—достоинного помощника Болгарской рабочей партии в годы войны, всесторонне анализирует агитационно-пропагандистскую работу, которая позволила сплотить преобладающую часть болгарской молодежи вокруг Отечественного фронта. В этом ракурсе большой интерес представляет материал, характеризующий деятельность РМС в армии. О ее эффективности свидетельствует тот факт, что 3 тыс. молодых солдат перешли на сторону народно-освободительной повстанческой армии.

Весьма содержательны, на наш взгляд, разделы книги, где подробно рассказывается о становлении и развитии всенародного антифашистского движения в стране, о деятельности боевых и саботажных групп, партизанских отрядов и бригад, 60—70 % рядов которых составляли члены Рабочего молодежного союза.

Книга болгарского исследователя дает полное представление о вкладе Рабочего молодежного союза в антифашистскую борьбу, завершившуюся 9 сентября 1944 года свержением монархо-фашистского режима и установлением народной власти. Несомненным достоинством монографии является солидная источниковедческая база. Многие документы Центрального партийного архива при ЦК БКП, Центрального государственного исторического архива, Архива министерства внутренних дел, окружных партийных и государственных архивов автор использует впервые. Привлечен также ряд публикаций документальных материалов, большая мемуарная литература, а также монографии, посвященные рассматриваемой проблеме.

Работа И. Тончева является ценным исследованием, которое будет способствовать воспитанию нового поколения в духе патриотизма, верности социалистическому отечеству, укреплению болгарско-советской дружбы.

**Д. Б. Мельцер,
Н. В. Царюк**

Р. М. Илюхина. Лига наций. 1919—1934.—М.: Наука, 1982.—357 с.

В советской историографии до сих пор не было обобщающего научного труда, всесторонне освещающего как идеологические, так и организационные основы Лиги наций, историю ее отдельных комитетов и институтов. В связи с этим монография Р. М. Илюхиной решила актуальную научную и политическую проблему.

В первой главе книги глубоко и всесторонне раскрыты предпосылки возникновения Лиги наций, подготовка ее устава и борьба империалистических держав вокруг него. Автор убе-

дительно показывает, что устав явился своего рода компромиссом между ведущими империалистическими странами и подчеркивает, что он «был детищем буржуазно-либеральных кругов, пытавшихся придать политике господствующих классов новые, более приемлемые для мировой общественности формы, оставив в неприкосновенности главный принцип империалистической политики,—политику с позиции силы» (с. 98). В работе широко использованы труды В. И. Ленина, которые позволили автору дать подлинную научную историю образования Лиги наций, показать ленинскую концепцию международной организации XX века.

Во второй главе исследования Р. М. Илюхина подробно осветила роль Лиги наций в мировой политике. С самого начала Лига наций стала центром борьбы против Советской России и национально-освободительного движения. Показан демагогический характер декларируемых Лигой наций принципов и ее враждебные акции против Страны Советов, а также стремление империалистических держав установить гегемонию в мире под лицемерной миролюбивой вывеской Лиги. Р. М. Илюхина отмечает, что значение Лиги наций в решении проблем безопасности, обеспечении мира и разоружения в 20-х годах «было негативным» (с. 197). Альтернативой политике Лиги наций явилась выдвинутая Советским Союзом идея полного и всеобщего разоружения. Межимпериалистические противоречия в Лиге наций обусловили глубокий кризис этой организации в 1931—1933 годах, когда она «в конечном итоге была отстранена от решения коренных международных проблем» (с. 231).

В третьей главе обстоятельно проанализированы различные буржуазные доктрины пацифизма, вскрыты их философские корни и методологическая несостоятельность, подчеркивается, что эти доктрины не способствовали активной борьбе за мир. Все это наряду с практической деятельностью Лиги открывало возможность для безнаказанных действий агрессивных империалистических государств Германии и Японии и привело в итоге к образованию в 1931—1933 годах двух очагов второй мировой войны.

Четвертая глава посвящена обзору источников и литературы, исключительное богатство и значимость которых позволили автору по-новому осветить ряд проблем. Широко использованы архивные документы, зарубежная и советская пресса, мемуары, дневники и биографии, работы советских и зарубежных авторов. Монография сочетает в себе строгую научную форму изложения, хороший стиль, четкую структуру и читается с большим интересом.

Работа Р. М. Илюхиной займет достойное место в советской историографии.

Г. М. Трухнов, Г. А. Космач

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ УВАРОВ

После тяжелой болезни скончался доктор экономических наук, заведующий кафедрой политической экономии Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при Белгосуниверситете имени В. И. Ленина, член КПСС с 1947 года, профессор Владимир Павлович Уваров.

В. П. Уваров родился 25 мая 1925 года в пос. Уварово Тамбовской области в крестьянской семье. С 1943 по 1956 год находился в рядах Советской Армии.

С 1956 года и до последних дней жизни В. П. Уваров — на преподавательской работе в вузах Минска: институте иностранных языков, институте народного хозяйства, где заведовал кафедрой иностранных языков и одновременно читал лекции и вел ряд спецкурсов по политической экономии. В 1964 году защитил кандидатскую, а в 1974 — докторскую диссертации. С января 1974 года он декан факультета повышения квалификации руководящих кадров. В 1978 году избирается заведующим кафедрой

политэкономии Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при Белгосуниверситете имени В. И. Ленина.

В. П. Уваров плодотворно занимался научно-исследовательской работой. Им опубликовано 50 научных работ, в том числе 15 монографий (из них 6 в соавторстве). В четырех монографиях ученого дана обстоятельная критика современного реформизма и ревизионизма. Разработанные им основы критического анализа ряда проблем политэкономии нашли отражение и последующее развитие в работах белорусских исследователей. Исследовательскую деятельность В. П. Уваров успешно сочетал с активным участием в подготовке научно-педагогических кадров и общественной жизни. Он был членом комиссии по критике современных антимарксистских экономических теорий научно-технического совета Минвуза СССР, председателем секции политэкономии и членом бюро научно-методического совета Минвуза БССР, руководителем секции теоретического семинара политэкономов при Минском горкоме КПБ, председателем координационного совета по разоблачению империализма при республиканском правлении общества «Знание», внештатным лектором ЦК КПБ и Минского обкома КПБ, членом специализированного совета по защите докторских диссертаций при АН БССР, заместителем председателя специализированного совета по защите кандидатских диссертаций при БГУ имени В. И. Ленина, членом партбюро кафедры политэкономии ИПК и др.

Коммунистическая партия и Советское государство высоко оценили заслуги В. П. Уварова. Он награжден орденом Красной Звезды, медалями, почетными грамотами Верховного Совета БССР, Минвуза БССР, Комитета народного контроля БССР.

Светлая память о Владимире Павловиче Уварове, большом ученом и крупном организаторе советской науки, замечательном человеке, навсегда сохранится в сердцах тех, кто знал его и работал вместе с ним.

ГИЛЕР МАРКОВИЧ ЛИВШИЦ

На 75-году жизни скончался заслуженный деятель науки БССР, доктор исторических и доктор философских наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Белгосуниверситета имени В. И. Ленина Гилер Маркович Лившиц.

Г. М. Лившиц родился 25 июня 1909 года в м. Дараганово Осиповичского района Могилевской области в семье служащего. После окончания школы работал столяром. В 1931—1934 годах учился в Минском педагогическом институте, а затем работал в нем преподавателем. Г. М. Лившиц совершенствовал свои знания под руководством академика АН БССР В. Н. Перцева и в 1939 году защитил кандидатскую диссертацию, посвященную социально-политической борьбе в Риме в I веке до н. э. С июня 1941 года находился в рядах Советской Армии, после демобилизации по состоянию здоровья—доцент Кзыл-Ординского пединститута.

С октября 1944 года и до последних дней своей жизни читал различные курсы по всеобщей истории в БГУ имени В. И. Ленина. Одновременно в течение нескольких лет преподавал в Минском пединституте,

Юридическом институте и в Высшей партийной школе при ЦК КПБ.

В 1960 году Г. М. Лившиц защитил докторскую диссертацию «Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима». В 1967 году выходит книга «Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря». Интенсивное преподавание не помешало размаху его научного творчества, талант ученого набрал силу. Он публикует ряд монографий и статей по истории материалистической философии, свободомыслия и атеизма, реформационному движению в Чехии и Германии. В 1975 году Г. М. Лившиц защитил докторскую диссертацию по философским наукам «Свободомыслие и материалистическая философия в Западной Европе (вторая половина XVII в.)». Всего ученый опубликовал свыше 150 научных трудов, среди которых 20 книг и 3 брошюры.

Г. М. Лившиц активно участвовал в общественной жизни, являлся членом двух специализированных советов по присуждению ученых степеней и званий, членом редколлегии журнала «Вестник БГУ имени В. И. Ленина».

За большие успехи в развитии науки и высшего образования, в подготовке и воспитании высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства и участие в общественной жизни Г. М. Лившиц награжден орденом «Знак почета», шестью медалями, двумя почетными грамотами Верховного Совета БССР, грамотой Верховного Совета Казахской ССР, ему присвоено звание заслуженного деятеля науки БССР.

Для всех, работавших вместе с ним и знавших его, Гилер Маркович останется образцом сочетания высоких нравственных качеств, принципиальности и деловитости.